

РУССКИЕ
ПОВЕСТИ
XIX ВЕКА



Николай Иванович Наумов

Святое озеро

В последней трети XIX века русская литература достигла блестящего расцвета. Лев Толстой и Щедрин, Достоевский и Островский, Глеб Успенский и Гаршин, Мамин-Сибиряк и Лесков, Короленко и Чехов создали в своих произведениях широчайшую панораму русской жизни, раскрыли ее "внутренние пружины", показали трагизм положения народа, доведенного до крайней степени нищеты и несправедливости. Рядом с прославленными представителями русской литературы работали так называемые "второстепенные" писатели. Они не только развивали тенденции своих великих предшественников — классиков реализма, но были инициаторами разработки новых вопросов, выдвижения новых героев, новых принципов художественного изображения.

В настоящее издание вошли произведения И.А.Салова, А.О.Осиповича-Новодворского, Н.И.Наумова, Н.Н.Златовратского, С.Н.Терпигорева, Г.А.Мачета. Завершают издание примечания с биографической справкой.

Святое озеро

Спросите в настоящее время у крестьян X-ой волости, "каково поживает доброжелатель их, Петр Никитич Болдырев?", и вы услышите, как при одном его имени из уст каждого посыплется потоки брани, проклятий и поздных сетований на опрометчивую доверчивость. А между тем было время, когда, говоря о Петре Никитиче, выражались не иначе, как "наш Петр Никитич", причем слово "наш" выражало любовь к этому человеку. Нужно сказать правду: безупречная честность Петра Никитича при исполнении обязанности волостного писаря, доброта и внимание к нуждам крестьян вполне оправдывали привязанность их к нему. Получая от общества ограниченное содержание, он с утра и до ночи работал в волости, не зная ни отдыха, ни праздников. В течение всей его службы не было примера, чтоб он отказал кому-нибудь в деловом совете, затянул бы выдачу паспорта, замедлил бы с корыстной целью исполнением формальностей, с какими сопряжена выдача хлеба из запасных сельских магазинов, подстрекал бы когда-нибудь волостных начальников

к крутым мерам при сборе податей и тому подобное. Напротив, со времени определения его в писари он значительно сократил общественные расходы на содержание волости и при этом не заикнулся об увеличении своего жалованья, хотя бы для того, чтобы иметь возможность нанять себе помощника. Волость считалась богатейшею в Т-ом округе. Бывшие до Петра Никитича писари, сменяясь с должности, вывозили десятками возов благоприобретенное, покупали дома, иные заводили торговлю, а Петр Никитич, приехав на должность в нагольном бараньем тулупе и нанковом сюртуке, за все время службы не завел себе даже новой шубы, а только покрыл старую дешевым сукном, известным в продаже под именем гвардейского.

Впрочем, и в то время люди, знавшие прошлое Петра Никитича, скептически покачивали головами. Петр Никитич был ссыльно-поселенец и в первое время по прибытии в Сибирь выдавал себя за "политического", но когда из статейного списка обнаружилось, что, служа в России в одном из почтовых учреждений, он был предан суду за растрату

денежной корреспонденции и подделку фальшивых документов, то он скромно переименовался в несчастного, гонимого людьми и судьбою человека. Несмотря на изворотливый ум, Петру Никитичу в первые годы нелегко жилось в Сибири: по крайней мере, про первоначальную жизнь его в стране изгнания ходило много легенд. Говорили, что, служа на золотых приисках в качестве материального, он уличен был в крупном воровстве и при смене с этой должности лишился прекрасных каштановых волос на голове и пышных бакенбард, придававших его наружности сановитый вид. Рассказывали даже, что до поступления его в волостные писари, он, ради насущного пропитания, занимался сочинением акростихов, которые подносил в дни именин богатым купцам и мещанам, получая за то от кого полтинник и кусок пирога, от кого рюмку водки и гривенник, и при этом дополняли, что каждый раз после поднесения акростиха из передней именинника, вместе с Петром Никитичем, исчезала какая-нибудь шаль, дамская муфта или ценная бобровая шапка. Но о прошлом его заговорили уже тогда, ко-

гда богатство Петра Никитича породило во многих зависть к нему; во время же службы его писарем об этом знали немногие.

Жизнь Петр Никитич вел трезвую, уединенную. Он не только избегал общения с людьми, но как будто боялся их. Отчуждение его не казалось, однакож, странным, ввиду той массы занятий, какая лежала исключительно на нем. С начальством, приезжавшим иногда в волость для ревизии, он вел себя почитательно, но без низкопоклонства и угодничества, не выписывал к приезду его дорогих вин и закусок, не устраивал для него обедов, завтраков и таинственных rendez-vous [1] с деревенскими кокетками, как это делают обыкновенно волостные писари. Всматриваясь в такую примерно-нравственную жизнь Петра Никитича, крестьяне одного только не могли понять: что связывало его самой искренней, повидимому, дружбой с т-м мещанином Харитоном Игнатьевичем Плаксиным, который нередко посещал его и гостил у него по несколько дней. Харитона Игнатьевича знала вся волость, и хотя открыто сказать про него что-нибудь дурное никто бы не решился,

но все почему-то остерегались его, как остерегаются обыкновенно людей сомнительных профессий. Уловить что-нибудь определенное в деятельности Харитона Игнатьевича было так же трудно, как и подметить какое-нибудь выражение в широком, мясистом лице его, постоянно маслившимся от жирного пота. Занимался он и комиссионерством по приисканию денег под векселя с надежными ручательствами, перепродавал дома, брал на себя подряды для лиц, признанных несостоятельными, блуждал по праздничным дням на рынке около крестьянских возов с хлебом и овощами. Его замечали в присутственных местах во время торгов на всевозможные подряды. Он был неременной принадлежностью всех аукционов, ко всему приглядывался, прислушивался, приторговывался и, незаметно исчезая из одного места, так же незаметно появлялся в другом. В городе, как и в деревнях, Харитона Игнатьевича все знали, начиная от высших губернских сановников и кончая темными личностями, таившимися на окраинах городских предместий. Сановники относились к нему с покровительственной

иронией, темные личности носили в дом к нему по ночам узлы под полами рваных халатов и шубенок. Узлы эти исчезали в таинственных кладовых Харитона Игнатьевича, недоступных даже для взора его домашних, и увозились не иначе, как запрятанные в навоз или солому.

— О-о-о! В этой бестии много блох сидит! Уж доберусь я до его шкуры и всех их выколочу! — говорил полицеймейстер, имевший сильное подозрение, что периодически совершавшиеся в городе подломы лавок и магазинов не обходились без его содействия. Но, несмотря на бдительный надзор градоначальника, шкура Харитона Игнатьевича оставалась цела и блохи безнаказанно кишели в ней. Правда, раза два он попадал в острог, но выходил из него с торжеством невинности и возбуждал преследования за свою попорченную репутацию.

Постоянно ведя исковые дела по поводу различных неустоек, нарушенных условий, неоплаченных векселей и тому подобного, Харитон Игнатьевич случайно познакомился с Петром Никитичем, не имевшим в то время

определенных занятий, и опытный глаз его сразу оценил в нем человека, по уму и качествам подходящего для себя. Он поместил Петра Никитича у себя в доме, чтобы всегда, под рукой, пользоваться его юридическими познаниями, и до того полюбил его, что не отказывал ему даже в деньгах, конечно в мелочных, и хотя был убежден, что никогда не получит их обратно, но все-таки на всякий случай брал от него расписки. Дружба между ними не прервалась и по вступлении Петра Никитича на должность волостного писаря, благодаря услугам, какие оказывал Петр Никитич, извещая заблаговременно Харитона Игнатьевича о продаже с аукциона имущества, описанного у крестьян за долги. Но услуги эти совершались так таинственно, что о них никто не догадывался.

Однажды в числе пакетов, доставленных в волость с почты, Петр Никитич получил циркулярное предписание т-ой казенной палаты. Распечатав пакет и прочитав содержание бумаги, он взял в руки перо, чтоб записать ее в настольный реестр, но вдруг остановился, прочитал снова бумагу, задумался над ней, за-

тем, не записывая ее в реестр, вложил обратно в конверт и опустил в боковой карман своего нанкового сюртука. Весь день после того он был необыкновенно рассеян: перепутал на отправляемых бумагах номера и адреса на конвертах и даже отправил какой-то рапорт, не скрепив его подписью. Возвратившись домой ранее обыкновенного, он торопливо пообедал; затем, запершись в комнате, вынул из кармана пакет и несколько раз перечитал циркуляр, как бы вдумываясь в каждое слово. Весь вечер проходил он по комнате из угла в угол, нахмутив брови, проводил по временам рукою по обнаженной голове, как бы приводя в порядок путающиеся в ней мысли, иногда улыбался, потирая руки, как человек, обделавший аппетитное дельце. В последующие после того дни, посещая волость, он пересмотрел все дела, хранившиеся в волостном архиве, перечитал все старинные документы, как бы ища в них чего-то, и спустя неделю отправился в город Т-в к окружному начальнику под предлогом весьма важного дела.

На третий день вечером, после утомитель-

ного пути по проселочным дорогам, Петр Никитич подъехал на усталых, взмыленных лошадях к дому Харитона Игнатьевича, стоявшему при въезде в город в пустынной улице, усеянной лачугами и кузницами. Выйдя из телеги и отпустив ямщика, он вошел в темный двор, выкрытый драньем. На лай собаки, неистово рвавшейся с цепи, вышел на крыльцо со свечою в руке сам хозяин. Увидев Петра Никитича, он радушно встретил его, несколько раз с шутливой фамильярностью похлопал гостя по плечу и, ласково заглядывая ему в глаза, произнес:

— Ну, ну, вот и тебя дождались! Аль попутным ветерком занесло, а? Ну, иди, иди, обогрейся, гость будешь!

Введя его в небольшую комнату, уставленную вместо мебели коваными сундуками, Харитон Игнатьевич приотворил дверь в смежную комнату и вместе кухню и крикнул:

— Даша-а, а Даша! Выдь-ко сюда, глянь, кого нам к ночи-то бог дал!

— Кого ж бы? — спросил из кухни мягкий женский голос.

— А ты своими глазами глянь, недокуда

чужими-то на все смотреть? — насмешливо ответил он.

В дверях показалась жена его, пожилая красивая женщина с объемистыми грудями и талией, проворно обтирая белые, засученные тшше локтя руки о грязный ситцевый передник. Увидев гостя, она всплеснула руками, вскрикнув:

— Батюшки! Петр Никитич! В кои-то веки заехал к нам, да не чудо ли это? А-а-ах ты напасть, а у меня как на грех ничего не стряпано! — И скрылась еще проворнее, чем показала.

Пока Петр Никитич раздевался, на столе уже появились тарелки с огурцами, груздями, пирог с рыбой, пирог с маком и еще какие-то печенья.

— Ну, ну, чего вылезли? Неуж людей-то не видывали? — крикнул Харитон Игнатьевич на свое потомство, высыпавшее из кухни в количестве шести душ. — Подите отсюда, вот я вас ужо! — пригрозил он, топнув ногой. Дети робко вышли из комнаты, и засученная рука хозяйки захлопнула за ними из кухни дверь.

— Ну, как живешь? Чего долго не заглядывал к нам? — спросил Харитон Игнатьевич гостя, запивавшего горячим чаем съеденный ломоть пирога с рыбой. — Я нынче, признаться, собирался съездить к тебе, — продолжал он, — хочу, слышь, лавку соорудить да посадить в нее Васютку. Уж парню четырнадцатый год пошел, а он без пути в доме мотается. Благословишь ли?

— Чем торговать-то намерен? — спросил Петр Никитич, ковыряя в зубах спичкой.

— А так, братец мой, разной разностью, а главное всего деревянной посудой. Временами здесь на нее большой спрос, а взять негде. Оно дело-то не ахти какое, а все, при сноровке, копейка набегать будет!

— Будет, это и говорить нечего! — согласился с ним Петр Никитич.

— Копейка набегать будет! — задумчиво, барабаня пальцами по столу, повторил Харитон Игнатьевич. — В околотке-то моем живут все более мастеровые, с фаянсов-то хлебать не привычные, к дереву навык имеют. Оно хошь и по малости товару потребуется: кому ложка, другому чашка, третьему жбанчик, а все в

год-то, гляди, и на круглую сумму набежит. Да и парню-то дело будет; пора и ему сноровку набивать. А без обученья-то этого, без сноровки-то как ты его в свет-топустишь. Ведь темный человек выйдет, коли талану-то ему не привьешь! Да что ж ты маковничка-то не прикусишь, — спохватившись, пригласил Харитон Игнатьевич, — хозяйка-то хошь и похвалилась, что ничего не стряпала, а ровно чуяла, что ты приедешь, меду-то в пирог подмесишь не жалеючи!

— Сят уж... благодарю!

— Ешь крепче! Дорогой-то, поди, всю кладь в брюхе уколотило, порожнее-то место найдется. По нынешнему пути ухабинами-то всю душу, поди, выколачивает, а?

— Отшибает, хвалить нечего!

— Надолго к нам в гости-то?

— Завтра к вечеру надо бы домой собраться! — ответил Петр Никитич, накрывая блюдо опрокинутой вверх дном чашкой, и, вынув ситцевый клетчатый платок, отер пот, выступивший на лбу.

— Пей еще, что ты мне дно-то у чашки показываешь? Погрейся, ну, ну!

— Уволь, не могу более!

— Ну, ну! Не могу! Эко, в кои-то веки заглянет, да от еды и питья в отрек! Пей, полно! Дарья, прими-то чашку-то да плесни в нее свеженького! — крикнул Харитон Игнатьевич, и, несмотря на все усилия Петра Никитича освободиться от угощения, в руках его снова оказалась чашка с свеженалитым чаем. — Водки ты не употребляешь, ешь, что девка перед венцом, по зернышкам, — чем и угощать тебя, не знаю! — говорил Харитон Игнатьевич. — Дело какое есть, что в город-то заглянул к нам? — спросил он после минутного молчания.

— У нас без дела, Харитон Игнатьевич, часу не пройдет, такое уж ведомство! — ответил Петр Никитич, прихлебывая с блюда чай.

— Где люди, там и дела, чего говорить; всякому жить надо, пить, есть хочется! Где на честный манер, где обманом, а все снискивай кусок... Как пробудешь без хлеба-то? — задумчиво произнес Харитон Игнатьевич. — А какое дело-то встретилось? — как бы вскользь, к слову, спросил он.

Опрокинув на блюде допитую чашку,

Петр Никитич отер платком лицо и окинул исподлобья пристальным взглядом своего собеседника.

— Дело-то у меня встретилось, Харитон Игнатьевич, такого сорта, что сказать-то его можно только за большие тысячи! — ответил он.

— Хе-хе-хе... Какие ноне у тебя дела завелись, а? Ну, ну, я и пытаться не буду, подожду, пока поболее тысяч накопится!

— А много-ли скоплено их, скажи-ко? — шутливо спросил Петр Никитич.

— Не успел приехать, да уж и сказывай тебе, сколько тысяч накоплено. А ты посиди, обогрейся! Что до время чашку-то накрыл, аль узор-то на дне ее приглянулся? — спросил он. — Пей-ко еще чаю-то, ну, ну...

— И рад бы потешить тебя, да не могу...

— Ну, не можешь, так не насилую; всякий своему животу меру знает! Так какое же это дело-то у тебя встретилось, что за тысячи сказывать собираешься, а? — снова спросил он, снимая пальцами нагар с сальной свечи и отирая их о голенище своих высоких смазных сапогов.

— Компаньона ищущу!

— На какую же забаву он понадобился тебе, а?

— Забава-то, на мой бы ум, не скучная, Харитон Игнатьевич... — с иронией ответил Петр Никитич. — Помогать мне лопатами деньги загребать...

— А-а-ах, окрести тебя воротом! — произнес Харитон Игнатьевич, и живот его заколыхался от тихого, беззвучного смеха. Спустив синий поясок на рубахе пониже живота, он с усмешкой продолжал: — Ну, на этакую забаву, по нонешнему времени, охотников много найдется, только клич кликни!

— Найдется-то много, да не всякий к моей-то мерке подойдет! В компаньоны-то мне, Харитон Игнатьевич, требуется человек с особыми приметам!

— О-ох! Ну, так я, стало быть, не гожусь; у меня и в пачпорте сказано, что особых примет нету, хе-хе-хе... А я уж было и уши развешил. Экое горе-то!

— Не горюй до время, приметы-то эти в пачпорт не вписываются; кто не брезглив, склевывает червячка, не боясь крючка, да не ску-

чает о совести, тот мне и на руку!

— А-а! Ну, по этим-то приметам я, пожалуй, и гожусь!

— И на мой-то глаз мерка-то по росту бы тебе!

— Гожу-у-усь, хе-хе! Одного разве побоюсь, что заботы с деньгами не оберешься, куда их девать, не придумаешь, хе-хе-хе! — смеясь, заключил он.

— Ну, этакая забота всякому была бы по душе; скучать об ней нечего. Деньги — товар емкий, кладовых не требуют, — во всякую щель влезут и вылезут. А ты вот послушай-ко лучше, чего я прочту тебе, да и смекай, — произнес Петр Никитич, доставая из кармана циркуляр.

— Ну, ну, читай, читай! — смеясь, ответил Харитон Игнатьевич, опираясь локтем о стол и, нагнув ладонью шляпку правого уха, приготовился внимательно слушать.

Придвинув к себе свечу, Петр Никитич откашлялся и начал читать:

"Вследствие часто возникавших в последнее время между крестьянскими обществами различных сел и деревень, а также инородца-

ми споров за право пользования рыболовными песками на реках, озерами и сенокосными лугами, нередко обнаруживалось, при расследовании возникавших по сему поводу дел, что спорные угодья, не входя в земельный надел спорящих сторон, составляют собственность казны, и что, по зачислении таковых в оброчные статьи, от сдачи их с торгов в аренду в значительной мере могла бы увеличиться степень государственного дохода. Ввиду вышеизложенного предписывается X-му волостному правлению немедленно доставить сведения: 1) имеются ли в пределах волости рыболовные пески на реках, озера или сенокосные луга, кои не отданы в надел крестьян, а составляют собственность казны; 2) буде имеется какое-либо из означенных угодий, то в донесении необходимо точно обозначить местонахождение рыболовного песка или озера, а относительно лугов количество десятин занимаемой ими земли, а равно и расстояние таковых от населенных мест; и 3) исчислить с возможной подробностью, чрез спрос знающих людей, доход, какой могут приносить означенные угодья, дабы, соображаясь с

сими сведениями, при сдаче оных угодий в арендное пользование могла быть назначена им совершенно правильная оценка".

— Смекнул? — спросил Петр Никитич, окончив чтение и пристально посмотрев на Харитона Игнатьевича.

Вместо ответа Харитон Игнатьевич молча взял из рук его циркуляр и, вертя его между пальцами, внимательно осмотрел печатный заголовок, подписи членов, номер и число, каким бумага была помечена.

— Что ж? — спросил он, возвращая циркуляр: — стало быть, ноне все луга и рыбные пески в казну отойдут, что ли? Мне, признаться, невдомек что-то, на что ты мне эту бумагу читал. Уж не это ли и есть то дело, с которого ты собираешься деньги лопатами загребать? — насмешливо спросил он.

— А ты не раскусил разве? — спросил Петр Никитич.

— От старости, что ли, друг, а уж ноне мне энти орехи ровно не по зубам, я и готовое-то с трудом жую! — с иронией ответил ему Харитон Игнатьевич.

— Э-эх, Харитон Игнатьевич, а еще ком-

мерцией занимаешься! — укоризненно произнес Петр Никитич. — Да ведь в этом-то орешке, друг мой, золотое ядрышко лежит, для умелого человека целое состояние!

— А-а-а? Ну, ну! — отозвался Харитон Игнатьевич, заерзав на сундуке с несвойственной летам его живостью. — Ну-ко, ну, раскуси мне орешек-то! Ишь, ведь ученые-то люди из каждой строки золото добывают, а мы по темноте-то своей и бисер, поди, ногами попираем, да невдомек! Тут, ровно, пишут, чтобы ты донес в палату, какие есть в волости угодыя, чтобы зачислить их в оброк да сдавать в аренду? — прищурившись, спросил он. — Так разве у вас есть экие-то угодыя?

— Про Святое-то озеро слыхал когда?

— Как не слыхать! Так уж не оно ли золотое-то ядрышко, что в скорлупке-то зной спрятано, а?

— Оно, не ошибся! Ведь озеро-то не отдано в надел крестьянам, хотя они и пользуются им!

— Ну... ну, раскусывай, раскусывай... авось разжую, хе-хе-хе... — прервал его Харитон Игнатьевич.

— Я должен донести теперь, что в волости есть озеро, улов рыбы из которого дает крестьянам дохода самое меньшее от трех до четырех тысяч в год, и, как не отданное в надел им, оно подлежит зачислению в казенную оброчную статью.

— Вот оно что-о-о! Ну, ну!

— На основании этого ответа палата зачислит его в оброк и будет сдавать с торгов в аренду!

— Э, э! Тэ, тэ! Теперь понимаю. Теперь, стало быть, всякий, кто пожелает, может взять его в аренду за себя?

— Нет, не всякий, не торопись.

— О-о-о! Аль и тут особые приметы понадобятся? — насмешливо спросил он.

— Понадобятся! — сухо ответил Петр Никитич. — Озеро должно сдавать в аренду только крестьянам.

— А нешто человеку в сапогах к нему пути заказаны, а только для тех дорога-то на торги широка, кто бродни носит? а? — снова прервал его Харитон Игнатьевич.

— Не отдадут тебе озера не потому, что ты сапоги носишь, а потому, чтоб отдачей его в

аренду постороннему лицу не нарушить интересов и благосостояния крестьян. Палата, по зачислении озера в оброчную статью, должна назначить торги на него и предписать нам произвести публикацию по волости о вызове крестьян на торги. По закону и самые торги должны состояться не иначе, как в волостном правлении!

— Ну, не отдадут, так и носу совать не будем!

— Тебе отдадут его только в таком случае, если крестьяне отказались бы взять озеро. Ну, а наши крестьяне пожалеют дать за это озеро и четыре и пять тысяч арендной платы в год...

— Тэ-эк! Это, чего говорить, озеро бога-атое! Ну, так чем же ты хвалился в таком разе, а? — с иронией спросил Харитон Игнатьевич. — Я было смекнул с твоих слов, что ты дельце-то это обсоюзил, а оно, выходит, по поговорке: скусен пирожок, да ротик обожжет...

— Обсоюзил, ты не ошибся!

— Какой же ты это дратвой союзы-то пристегнул?

— Умственной!

— Э, э! Дивлюсь я на тебя, Петр Никитич: с твоим умом да талантом тебе давно бы надоть в атласе да бархате щеголять, а ты все, грешным делом, из нанковой шкурки не вылезает! — насмешливо заметил Харитон Игнатьевич, окинув взглядом полинявший нанковый сюртук своего собеседника. — Ну, как же ты, к примеру, оборудуешь это дело; скажи, буде не секрет?

— Затем и приехал к тебе, чтобы вместе его на колодку-то натянуть! Старые мы знакомые, Харитон Игнатьевич, всего с тобой видывали на веку, и худого и доброго. Скажи по душе мне теперь: друг ли ты мне, а?

Окинув его пристальным взглядом, Харитон Игнатьевич отер правую рукою свою черную с проседью бороду и усы.

— Кажись бы, меня и допытывать об этом не следовало, — сухо ответил он, глядя куда-то в сторону. — Припомни, сколько раз я выручал тебя из беды; ровно и теперь бы счеты-то меж нас не кончены, да я уж рукой на них махнул, не тревожу! Денег-то хвалишься лопатами нагрести, и без поминок отдашь,

поди?

— Про долг мой не сомневайся, возвращу! — ответил Петр Никитич, слегка покраснев.

— Давай господи, пора бы! — снова погладив ладонью усы и бороду и не смотря на Петра Никитича, ответил он. — А только, если ты теперича касательно денег разговор-то о дружбе подводишь под меня, так лучше помолчи; не утруждайся. Денег у меня и в заводе нет. Сам нуждаюсь! — закончил он, усиленно отхаркивая слюну и сплевывая ее на пол.

— А если мне не нужно денег? — с усмешкой ответил Петр Никитич. — Если я спрашиваю тебя, друг ли ты мне, по другой причине?

— На что ж это тебе занадобилось, на какие причины? Сколько помнится, мы неоднократно с тобой дела вершили, да о дружбе друг друга не допытывали! Разве ты был когда в моем доме постылым гостем? Разве уходил от меня не напоенный и не накормленный? Когда тебе перекусить-то было нечего, когда рыло-то все на сторону воротили от тебя, кто тебя и поил, и кормил, и в тепле-то тебе не отка-

зывал, а-а? Ну-ко!

— За твое добро я и хочу отплатить тебе со сторицей. Понял ли — со сторицей! — повторил Петр Никитич с особенным ударением на последнем слове.

— Спасибо, что добро помнишь; ноне и за это людей благодарить надо! Да грех бы, говорю, и забыть-то меня, — добавил он. — А чем же ты заплатишь-то мне хочешь? — мягким и несколько меланхолическим тоном спросил Харитон Игнатьевич, взглянув на него.

— Для того я и спрашиваю тебя, друг ли ты мне?

— Друг, друг! Вот те Христос! Всем сердцем расположен к тебе! — торопливо ответил он. — Чего хошь, проси — не постою, если б вот деньги были, сам бы дал, верное слово сказываю! Не гляди на меня этак-то с сумлением; — произнес он, заметив устремленный на него пытливо-насмешливый взгляд Петра Никитича. — А может, не выпьешь ли рюмочку; все бы обогрело с дороги-то. Одна-то рюмочка — не беда, сказывают, другая-то лиха!

— Не пью, спасибо, да мне и не холодно!

— Ну, твоя воля! Мадерцы бы надоть, да

вишь — горе, в запасе-то не держу! Э-эх! Как бы все-то, говорю, добро мое помнили, не валились бы теперь заборы у дома, не ходил бы я в поддевке, не перебивался бы с денежки на денежку, — внезапно переменив тон и грустно качая головой, продолжал Харитон Игнатьевич. — Вот детки теперь подрастают, занятие надо им дать, а на что поднимешься, где капиталы-то? — певучим голосом закончил он.

— Не скучай, помогу и деток устроить и заборы новые поставит...

— Пошли тебе господи за твое раденье! Ты не в других, помнишь добро. Разве только на словах, может, помочь-то сулишь мне, а до дела коснется, так стороной друга-то обойдешь? Чем же ты, к примеру, помочь-то мне собираешься? — нежно заглядывая ему в глаза, спросил он.

— На поправу хочу тебе Святое озеро в аренду отдать за сто рублей в год... Хочешь, а-а?

— За сто рублей в го-о-од?! — удивленно спросил Харитон Игнатьевич.

— Может быть — и дешевле еще, может

быть и за пятьдесят рублей его купишь...

— Ты... ты... ты... в уме ли, Петр Никитич? — заикаясь и пристально глядя на него, спросил он. — Ты пощупай кудри-то на макушке. Да разве может это стать, чтоб угоды, которое дает на пять, на шесть тысяч товару в год, отдали за сто рублей, а?

— Говорю, так, значит, можно!

— О-о-ох ты, господи! Да нет, это ты смеешься надо мной... — произнес он, махнув рукой и быстро отвернувшись от него: — грех бы, говорю, этак-то!

— Хочешь или нет, скажи мне одно... — как бы наслаждаясь его сомнением, спросил Петр Никитич.

— А-а-ах ты, боже мой! Да неуж это можно, а-а? Да ведь после этого... что ж? Ведь это ты навек счастье даешь! — отрывисто говорил он, захлебываясь от волнения. — Да неуж это, слышь, можно? Ты, ты... Уверь меня, ты того, а? Мне сдается все, что ты это ради смеха говоришь. Да ведь коли это правда, так чего же тогда будет-то с нами?

— Ничего... Вот тогда вместо нанки-то и принакроемся атласом да бархатом, хе-хе-е...

А особенного ничего не произойдет!

— Ну, Петр Никитич, если ты теперича все это в сущую правду говоришь, — с особенною торжественностью в голосе начал Харитон Игнатьевич, вставши с сундука, — то вот тебе угодник божий Никола в свидетели, по гроб жизни буду тебе первый слуга и друг. Проси, чего ты от меня хочешь, без слова отдам. Проси, чего тебе только надоть, заикнись!

— Мне ничего пока не нужно.

— Денег тебе надо?

— Не нужно.

— Ты заикнись, заикнись, говорю тебе, попроси. Есть ведь у меня деньги-то, слава тебе господи, не оскудел я... Я ведь это даве только попытать тебя хотел, говорил, что ни гроша нет. Я ведь простой человек, сам ты знаешь, последнее отдам! Да что ж это мы всухомятку речь-то ведем, прости господи. Дарья! — подойдя к двери, крикнул он. — Запеки-ко нам селяночку с груздочками, авось до утра-то и не замрем, — притворив дверь и снова присаживаясь к столу, произнес он. — Одного я только в толк не возьму, друг ты мой сердечный, — снова тоскливо и нараспев начал

он: — сам же ты сказал, что озеро если и обратят в оброчную статью, то все-таки сдадут его в аренду крестьянам, а постороннего человека и коснуться к нему не допустят. Так как же ты наградить-то меня им хочешь, а-а?

— Уж это мое дело; будь в покое...

— Разве, может, у тебя на примете закон такой есть, а? — полюбопытствовал Харитон Игнатьевич, будто не расслышав его ответа.

— Нет!

— В толк не возьму, как ты это сорудуешь?

— Прежде время тебе и знать не нужно; или сомненье-то мучит тебя, а?

— Томит! Чудно как-то кажется! И верный ты человек, знаю, что зря слова не вымолвишь, а все — нет-нет, и засосет под сердцем-то, словно червь какой! Вот я было обрадовался словам-то твоим, а теперь сызнова тоскливо стало. Не верится! — грустным, разбитым голосом говорил он.

— Верь не верь, а сказал тебе сделаю, так сделаю! Чем сомненьем-то мучиться, поговорим-ко лучше об условиях, на каких я намерен отдать тебе озеро, чтоб после греха между нами не вышло, оглядки бы не было.

— Избави господи от греха да оглядки; да нешто я плут какой, а? — обидчиво ответил Харитон Игнатъич.

— Плут не плут, а случай неровен, Харитон Игнатъевич. В таких делах аккуратность первое дело!

— Ну... ну, будь по-твоему, — согласился он, — пощиплем пуху у непойманной птицы! Хе-хе!.. говори.

— Прежде всего скажу тебе, что озеро ты возьмешь с торгов в аренду на одного себя. Сами ли мы будем хозяйничать на озере или сдадим его от себя в аренду крестьянам, об этом поговорим после, когда увидим, что будет выгоднее!

— Известное дело, обувь-то примеряют, когда она сшита, — заметил Харитон Игнатъевич, — а она, вишь, пока еще умственной дратвой стачена, хе-хе-е!.. Ну?..

— Главная причина тут в том, Харитон Игнатъевич, — продолжал Петр Никитич, не обратив внимания на колкое замечав ние его, — что имя мое в этом деле не должно упоминаться, как будто бы все это помимо меня будет делаться, а я ничего не знаю и не ведаю,

арендуешь ты озеро или нет, понял?

— А-а-а! — протянул Харитон Игнатьевич, вопросительно приподняв брови. — Стало быть, ты совсем как бы втуне будешь; к примеру теперича взять, как бы никакого касательства к озеру не имеешь?

— Да, да, пока, до время, а там, что далее будет, увидим!

— Понял... понял! — ответил он, кивнув головой и погладил ладонью усы и бороду, желая скрыть радость, сверкнувшую в маленьких карих глазах его. — Стало быть, дратва-то, какой ты обсоюзишь это дельце-то, будет с изъянцем... хе-хе-е... ну что ж! Я уже сказал тебе, что не брезглив, мне все на руку... всякая обувь по ноге...

— Знаю, знаю! Поэтому на всякий случай, — продолжал Петр Никитич, — мы сделаем между собою документик, к примеру — вексель, что будто ты занял у меня пятнадцать тысяч рублей серебром наличными деньгами, с обязательством уплатить их по востребованию мне или кому прикажу я!

Харитон Игнатьевич с минуту сидел совершенно неподвижно, пристально поглядывая

на своего собеседника.

— То есть как это вексель? — спросил, наконец, он. — С какой это радости, для какой бы, к примеру, потребности?

— Единственно в ограждение меня от всякой случайности!

— От какой же, к слову?

— От обмана, например!

— Чтоб я бы это да покусился на обман? — крикнул Харитон Игнатьевич.

— Не сердись, Харитон Игнатьевич, — прервал Петр Никитич, — грех-то неровен; в жизни-то случается, что и сын отцу ножку подставит, когда до наживы дело коснется! Тут тебе и обижаться не на что, — с расстановкой говорил он; — ты только выслушай внимательнее, что я тебе скажу. Я берусь обделать дело, что озеро, которое на худой конец принесет в год четыре-пять тысяч чистого дохода, ты получишь в аренду на двенадцать лет за сто или за пятьдесят рублей в год! Это я предлагаю тебе на тех условиях, что мы-должны владеть озером вместе, делить с тобой и доходы и расходы поровну, но участие мое в этом деле должно оставаться в тайне, по крайней

мере на два, на три года, пока утихнет эта история! Следовательно, я с тобой никакого формального условия по этому делу заключить не могу.

— И не надоть, ну их к богу, все эти формальности! Мы так с тобой, по-душевному будем владеть; делить каждый грош сообча!

— Э...э! Нет, Харитон Игнатьевич, так-то на словах только говорится, а на деле-то частенько иное случается! Слово-то, что птица, на лету следа не оставляет! А кто мне поручится, что когда ты получишь в аренду озеро, то вместо того, чтобы делить со мной поровну весь доход, и на порог своего дома меня не пустишь, а? Скажешь, что ты меня и знать не знаешь и ведать не ведаешь! Ну, что я тогда возьму с тебя за то, что рискую и место потерять, а может быть, под суд попасть, а?

— Я те поруку-то на этот случай предоставлю почище векселя, коли уж на то между нами дело пошло!

— Какую?

— Святителя Николу многомилостивого в свидетели призову, что между нами все по-душевному будет!

— О-о-о! Нет, Харитон Игнатьевич, таких-то свидетелей в эти дела не вмешивают! И зачем угодников божьих тревожить, когда вексельная бумага есть и стоит-то недорого. Оно и проще и душе-то спокойнее! А вот если ты мне дашь вексель, мы его засвидетельствуем формальным порядком у маклера, и тогда уж мне нечего опасаться за будущее, потому что, на случай уклонения с твоей стороны и у меня камешек за пазухой будет; и будем мы с тобой состоять тогда в истинной и неразрывной дружбе... Понял?

— Ка-ак не понять, — не малолеток, во всяких хомутах на своем-то веку объезжен, разбираем, где чем шею-то трет, хе-хе-е! Это я и будь бы прост и дай тебе вексель, а ты завтра пойдешь да представишь его ко взысканию, и я должен буду нищую суму надевать на себя? А дашь ты мне озеро в аренду или нет, это еще на воде пальцем писано...

— Теперь я и сам не возьму от тебя векселя, пойми! Возьму его тогда, когда дело обделаю!

— Не дам я тебе векселя! — решительно ответил Харитон Игнатьевич, отвернувшись от

него.

— Не дашь и не нужно, короче речь! Найдутся и без тебя охотники, что за обладание озером не на такие условия согласятся и внесут мне наличные деньги в обеспечение.

— Кто ж это наличными-то тебе отсыплет, скажи-ко?

— Любой купец!

— Поди же к этакому купцу, поищи его. Не надоть ли, фонарь засвечу, чтоб светлее было искать-то? Только уходи из-моего дома, слышь, сейчас же уходи, — вспыхнув и задрожав весь, крикнул Харитон Игнатьевич, поднимаясь с сундука.

— Подожди гнать-то, не покайся! — спокойно заметил ему, Петр Никитич.

— Дай ему вексель! — продолжал между тем Харитон Игнатьевич, не глядя на него и как бы обращаясь к третьему лицу. — Хе-хе-е!.. дурака нашел! Это опосля супротив его не смей и слова сказать, а? Хошь не хошь, а пляши по его дудке. Да ты в памяти ли, спрошу я тебя? — обратился он к нему.

— В памяти!

— Вне оной, забылся; забылся, говорю! Ты

бы, знаешь, как должен чтить-то меня, если памятуешь добро-то мое. Ты бы должен прийти и сказать мне: вот, Харитон, за то, что ты меня нищего призревал, хочу я взыскать тебя своей помощью: на тебе озеро, владей им! А ты вместо того обманный вексель требуешь с меня... по совести ли это, а?

— Объясни, почему ты опасаясь дать мне вексель? — лукаво усмехнувшись, спросил Петр Никитич. — Ведь ты хорошо знаешь, что я возьму его только тогда, когда дело будет наверное обделано мной, что обмануть я тебя не обману по той простой причине, что в этом деле заключается обоюдная наша выгода. Чего ж ты опасаясь, а?

— Скажи ты мне наперво, кто ты таков? — гордо глядя на него, спросил Харитон Игнатьевич. — Каким ты званием почтен: дворянин ли ты, купец ли, крестьянин ли?

— Ссылнопоселенец! — спокойно ответил Петр Никитич.

— А-а-а! Стало быть, человек въяве ошеломанный, хе-хе! Так могу ль я к тебе какое доверие питать, а?

— Не доверяешь, и не нужно! Одинаково

ведь и я, милый друг, не могу доверять человеку, который два раза в остроге сидел по подозрению в грабеже и прикосновенен к десятку дел о подлоге.

— А все-таки я не посельщик, все-таки моя честь при мне!

— Ну, честь-то у нас с тобой, Харитон Игнатьевич, тоньше паутины, постороннему-то глазу едва ли приметна! Будем-ко правду говорить, а не вилять хвостами. Дело все в том, что мы очень подробно знаем друг друга: выходит, что я коса, а ты камень. Смекнул ты сразу, что озеро взять в аренду выгодно. Знаешь, что дело с моей стороны о передаче его будет темное, рискованное, а тебе это и на руку. Вот ты теперь и измышляешь, какими бы тебе путями обойти меня и завладеть озером одному, потому что судиться с тобой я не посмею, так как сам на себя никто петли не накинёт. Верно или нет? Ну-ко, скажи на-прямки, стыдиться-то нам друг друга нечего...

— Ну, въяве вижу теперь, что недаром тебе на приисках кудри-то расчесывали! — ответил покрасневший до ушей Харитон Игнатьевич.

— Уму учили!

— И выучили, уме-е-ен! Впрок пошла тебе эта грамота. Не умру, поколь не увижу тебя в атласе да бархате. Так что ж, селяночкой, что ли, заедим душевное-то расположение друг к другу... а?.. Хе-хе-е? — шутливо спросил Харитон Игнатьевич.

— От селянки я не прочь, кушанье хорошее...

— Люблю я ее, особливо, когда это с пылу-то она, да шипит это, шипит, хе-хе, а груздочки в ней так и прискакивают, словно заманивают тебя, хе-хе... как ты теперь меня, к слову сказать. Откровенный ты человек, Петр Никитич, люблю я таких-то, что начисто узоры выводят, право! Теперь и я тебе скажу свое душевное слово: не сердись ты на меня, что я тебя по колоченным-то ребрам щупал, это я тебя нарочно пытал, что можно ли еще с тобой темные-то дела вести, не возьмет ли опаска...

— Ну, можно ли? — с иронией спросил Петр Никитич.

— Дока, брат, ты до-о-ка! Вот уж про тебя можно сказать твое же слово: что со всякого

крючка сорвешь червячка! Откровение это тебе бог дал!

— Не пожалуюсь, умом не обижен! — самодовольно ответил Петр Никитич.

— О-о-ох... великое дело, коли ум в человеке есть, — качая головой, глубокомысленно продолжал Харитон Игнатьевич. — С умом человеку и родительского наследья не надоть. Спросите меня, с чем я жить пошел на белом свете, а-а? С двумя гривнами. А слава тебе господи, и домик соорудовал, и в домике теперь пустого места не найдешь. До тридцати лет у всех на языке был Харитошкой, а теперь всякий ко мне с почетом да уважением относится, всякий чтит меня Харитоном Игнатьевичем. А все ум, ум! Не будь у тебя ума, разве ты бы додумался до этакой фортуны, а? А векселя, друг, я все-таки не дам тебе! — лукаво, но пристально посмотрев на него, заключил он.

— Не дашь, так к другому пойду!

— Хе-е, хе-хе-е-е! Знаю, знаю, милый ты человек, что на этакую рыбу, как Святое озеро, самоловов много найдется; да не бойся! Это я так, шучу. Страсть моя, друг, шутки шутить.

Другой, кто не знает меня, подумает, что я невесть какой плут, а я, по душе тебе скажу, — простой человек, что твой младенец, ей-богу. А поломаться люблю... люблю...

— Со мной бы нечего шутки шутить, Харитон Игнатьевич, насквозь друг друга видим!

— А все ж как-то вот легче стало, любовней ровно, как супротивным-то словом перекинулись. По крайности увидели, что друг друга стоим, хе-хе-е!.. Дарья, неси-ка селяночку-то, коли готово! — благодушным тоном крикнул Харитон Игнатьевич, подойдя к двери. — Вот, друг ты мой, — снова начал он, когда в комнату вошла жена его, неся в руках тарелки и чистую скатерть на стол, — разведи меня с бабой, озолочу! Ну что, как в купечество выйдешь, как ты в люди-то с таким перестарком покажешься, а?

— О-ох, уж молчал бы, купец! Кто тебя еще в купцы-то пустит, спросил бы наперво! — ответила жена, обведя его насмешливым взглядом и, быстро отодвинув стол от стены, накрыла его скатертью.

— Хе-хе-хе-е!.. Заживо тронуло! Ну, ну, не сердись, Дарья Артамоновна, я ведь шучу! На

нас и в мещанстве господь оглядывается! — произнес Харитон Игнатьевич, хлопнув ее ладонью по широкой спине. — Двоих укомплектует, а-а? Вот нам какую под старость господь супругу послал, хе-хе-е! — обратился он к Петру Никитичу.

— Тьфу ты! — сплюнув, произнесла Дарья Артамоновна и поспешно вышла из комнаты, сопровождаемая веселым смехом друзей.

-

На следующий день, часу в десятом утра, Харитон Игнатьевич подвез Петра Никитича к одноэтажному деревянному дому, стоявшему внутри обширного двора, обнесенного с улицы резною деревянною решеткой. Дом стоял в центре города, на одной из лучших улиц, и принадлежал уездному исправнику Ивану Степановичу Кашкадамову. Пройдя чисто выметенный и усыпанный песком двор, Петр Никитич вошел в людскую, помещавшуюся во флигеле, позади дома. У конюшен суетились кучера, чистившие лошадей: два конюха обмывали щегольскую полуколяску, недалеко от них, на завалине сидело четверо

крестьян, пришедших еще на рассвете и терпеливо ожидавших, когда их примут и выслушают. Просители были старики. Осеннее солнце обливало ярким светом загорелые морщинистые лица и их серые, из домашнего сукна зипуны. Что-то грустное проглядывало в этой молчаливо сидевшей группе, пришедшей, может быть, за сотню верст, оторвавшись от неотложных работ по хозяйству. По двору суетливо перебегали из флигеля в дом горничные, то с чайной посудой на подносе, то с самоваром и кофейником, утюгом или выглаженной юбкой. Каждый раз, как только отворялась дверь во флигеле или доме, просители, точно по сигналу, поднимались с завалины и обнажали свои лысые головы, обрамленные прядями седых волос; но видя, что на них никто не обращает внимания, медленно садились один за другим, перекидываясь изредка каким-нибудь словом.

Иван Степанович Кашкадамов, сидя в это время в кабинете у письменного стола, отдавал приказания повару и эконому о необходимых приготовлениях к предстоящей охоте, к участию в которой приглашены были влия-

тельные лица местной администрации. Красивое лицо его было крайне озабочено. Он постоянно хмурил брови, тер лоб, стараясь припомнить, не упустил ли чего-нибудь из виду; несколько раз повторял одни и те же слова, перечислял одни и те же сорта вин, закусок и паштетов. Поглощенный этой заботой, он несколько дней не посещал даже управления, не подписывал накопившихся бумаг, журналов и постановлений. Многие из этих бумаг заключали в себе судьбу какого-нибудь крестьянского семейства, решение давнишнего спора о чресполосном куске земли, освобождение из-под ареста какого-нибудь бедняка, но Ивану Степановичу было не до того... Он принадлежал к тому многочисленному типу людей, которые, доживши иногда до глубокой старости, не выходят из младенческого возраста, и был известен в губернии более под именем "Ванечки", и уменьшительное имя это, несмотря на солидный возраст и служебное положение, как нельзя более шло к нему. Бывши некогда адъютантом при какой-то особе, Иван Степанович считался в высшем кругу города О-а "горячей и опасной головой"

и, вследствие свободомыслия, вынужден был променять военную карьеру на более скромную гражданскую деятельность. Рассказывали, что, принимая предложенную ему должность исправника, он открыто заявлял, "что каждый развитой и просвещенный человек обязан посвящать свои силы на служение интересам народа!" Как посвящал Иван Степанович свои силы на подобное служение до женитьбы своей на дочери винокуренного заводчика и золотопромышленника Пегова, о том биографы его умалчивали, иронически улыбаясь, но после женитьбы ни для кого не составляло секрета, что тесть его, в компании с ним, оцепил половину губернии кабаками и винными складами. Сделавшись одним из крупных капиталистов и душою высшего губернского общества, Иван Степанович тяготился службою, редко заглядывал в округ и поговаривал даже о выходе в отставку, если б его не задерживало благосклонное внимание к нему начальства, ценившего в нем не ум, но честность.

Окончив распоряжение, Иван Степанович отпустил повара и приказал лакею подавать

одеться. В это время горничная доложила ему, что его желают видеть по весьма нужному делу писарь X-ой волости и мужики с просьбой, "пришедшие еще до света", — добавила она.

— Что там такое? Что им нужно? — с неудовольствием спросил он и приказал ввести просителей в переднюю, предупредив горничную наблюсти, чтобы они вытерли ноги и не натоптали на ковре. Тщательно вымытый и причесанный, с дорогими перстнями на пальцах и запонками на груди белоснежной сорочки, в безукоризненно сшитом фраке, вышел Иван Степанович в переднюю, где в ожидании его стояли у порога крестьяне, а поодаль от них Петр Никитич.

— А-а, Болдырев! Ну, что такое? Какое такое дело? — спросил он, кивнув головой на низкие поклоны крестьян и пристально рассматривая порыжевший нанковый сюртук Петра Никитича и шаровары его с побелевшими коленями.

— Извините, ваше высококородие, что осмелился беспокоить вас, но встретилось не терпящее отлагательства дело, — отчетливо от-

ветил Петр Никитич, слегка склонив голову на правую сторону и стоя перед ним с полузакрытыми глазами, как бы не вынося блеска, каким обливал его Иван Степанович.

— Хорошо, после объяснишь, — прервал его Иван Степанович. — Ну, а вам чего нужно? — спросил он, обратившись к крестьянам.

— Окажи нам защиту, милостивец; за тем и пришли к тебе! — в голос заговорили они, сопровождая слова поклонами.

— В чем защиту, от кого? Вы какой волости? — спросил он.

— Белоярской, и села-то Белоярского! Мир нас выбрал ходатайствовать пред тобой! — начал низенький, коренастый старик с нависшими на глаза бровями, из-под которых искрились черные пронизательные глаза. — Обидит нас, батюшка, голова наш, Семен Алпатыч, с зятеньком своим, Антон Прокофьевичем! Силы нет владать с ними, заступись! — И старик низко поклонился ему.

— Чем же обидят, ну?

— Много делов-то за ними, о-ох! Коли все-то посказать, и до вечера время не хватит... Мы, то есть, из села-то крадучись ушли: опас-

ка брала, чтоб не проведал голова-то, что к тебе идем, да не запер бы нас в волость...

— Разве случалось, что он запирает в волость, кто шел на него жаловаться... а?

— Всячины у нас деется, батюшка! И не на такие дела востер Семен Алпатыч, — продолжал старик. — Запереть-то в волость не мудрое дело! Судись там с ним из-под замка-то.

— Осмелюсь доложить, ваше высокородие, я не раз слышал, что у них в волости действительно случаются продолжительные аресты без суда и следствия, — почтительно заметил Петр Никитич, прервав старика, с удивлением посмотревшего на неожиданного заступника.

— Не верится что-то. Я знаю, голова у них степенный и рассудительный мужик.

— Это точно, ваше высокородие, он очень рассудительный человек, — с улыбкой, откашлявшись в руку, продолжал Петр Никитич, — но я слышал недавно, что он сельского старосту деревни Черемши, превысив власть, продержал две недели под арестом и до того застрадал его, что он будто бы представил в подать фальшивый кредитный билет, утаив

настоящие деньги у себя, что тот и заикнуться не смеет теперь о жалобе на него.

— Давно это случилось? — спросил Иван Степанович, нахмутив брови.

— Недавно, как слышал я.

— И это правда?

— Так точно-с!

— Странно! — задумчиво произнес Иван Степанович. — Отчего же до сих пор никто не довел об этом до моего сведения, а?

— Не могу знать, — ответил Петр Никитич.

— Удивляюсь... — произнес Иван Степанович, с изумлением пожав плечами. — Что это за народ! С них хоть с живых кожу сдирай, они все будут молчать!

— И сдирают, батюшка! И кожу-то сдирают, и что под кожей-то есть и то поскоблят! — подхватил старик. — И плачешь, да молчишь: он властный человек, богатый, а мы-то что супротив него? Вон теперь зятек-то его как мир-то обидел, один бог только видит. Лужок у нас есть. Мы сообча и косили на нем. Только в прошлом году зять-то головы, Антон Прокофьич, и пристань к нам: отдай ему этот лужок на лето в аренду! Скот он скупает по дерев-

ням-то, сена на прокорм-то его в зиму много требуется, покупать-то надсадно, вишь, карману-то... все как подешевле норовит. Ну, и вздумал лужок у нас в аренду взять для сенокосу. Мы-то и не хотели, признаться, отдавать, так голова-то пристал к нам — отдайте да отдайте; плату дали хорошую, нечего сказать: сто двадцать рублей за лето мы взяли с него. Ладно! Условие сделали в волости как следует. Мы-то, признаться, и не хотели условия-то делать: в отпор, мол, не пойдем, коли слово дали; так голова же тогда и настоял, что без условия не можно. Сделали. Только нонче, как пришел сенокос-то, мы по порядку поделили, как, значит, промеж себя луг, скосили, сметали стоги, все ничего, все молчал наш Антон Прокофьич. Только, когда уж управились делом, он и вступись: по какому-де праву мы на чужом лугу хозяйствуем? "Как на чужом? — говорим ему. — Луг наш, мы тебе отдали его только на одно лето". — "Нет, говорит, луг мой, а вашим он будет по скончании трех годов, как в условии сказано!" А в условии-то они, ваша милость, заместо одного-то лета на четыре годочка вписали! Вот какие

дела у нас делаются! Совсем теперь без сена остались, скотина хошь пропадай! Кое-где по болотцам покосили, и все тут. То ись за работу-то нам не заплатил: вольно, говорит, вам было, очертя голову, косить-то!

— А точно ли вы на одно лето отдавали луг? Верно ли это? — спросил Иван Степанович, прерывая старика. — Смотрите, говорите, да обдумывайте. Ведь вы обвиняете волюсть в подлоге, в фальшивом составлении условия! Когда условие-то заключили, пили вино?

— Пили! Был этот грех, батюшка!

— Допьяна пили?

— Пошатывало, не потаимся! Голова-то на угощение не поскупился, все были довольны.

— Еще бы довольны не были! Вы за ведро-то душу продадите знаю!

— Полно, милостивец! — тоскливо глядя на него, ответил старик.

— Сами же, верно, спьяна отдали луг на четыре года, — разгорячась, говорил Иван Степанович, обратившись к Петру Никитичу, — а теперь спохватились и пошли с жалобой. Знаю я, как все вас обижают да обируют! Не

остаетесь и вы в долгу, гуси-то лапчатые!

— На лето, родной, мы отдали луг ему, на лето! Коли нам веры не даешь, богу поверь! — ответил старик.

— В этом и вся ваша жалоба?

— О-о-ох! Много делов-то, мно-ого! Вдову, теперича, жену покойного Мирона Силича, детную сироту, обобрали дочиста...

— Кто?

— Все тот же Антон Прокофьич с головой, Семеном Алпатычем. Покойник-то, вишь, должен был Антону-то. Сколько должен-то был, бог их знает. Темное дело-то. Акулина, вдова-то, говорила на миру, что и двадцати рублей не будет, а Антон-то сказывает, что и от сотни хвостики останутся. Да теперича и отобрали, с головой-то, у нее лошадь, корову да нетель годовалую, да еще грозят жаловаться. Разорили бабу-то в корень...

— Ну, и все тут?

— Дивья, кабы все-то. Кабак теперь Антон-то завел...

— Ну хорошо, довольно! — остановил его Иван Степанович. — Подите теперь в полицейское управление и скажите, что я прислал

вас и приказал снять с вас письменное заявление о вашей претензии на голову. А ты, Болдырев, пройди ко мне в кабинет, — сказал Иван Степанович, выходя из передней в залу.

С минуту постояв в нерешительности у порога, крестьяне один за другим вышли из передней и, почесывая в затылках, медленно пошли со двора, держа шапки в руках; а Петр Никитич, пройдя осторожно на носках через залу в кабинет, остановился у порога; почти-тельно откашливаясь в руку.

— Какое же дело встретилось у тебя? — спросил Иван Степанович, опускаясь в кресло. — Надеюсь, по волости ничего особенного не случилось?

— Все благополучно-с! Подати, по обыкновению, собрали сполна и сдали в казначейство!

— Хорошо! Говори же скорее, какое дело. Я тороплюсь, мне некогда, нужно ехать! — предупредил он, любуясь носком своего лакированного сапога.

Осторожно переступая по мягкому дорогому ковру, Петр Никитич подошел к Ивану Степановичу и, подав ему пакет с циркуля-

ром, снова отошел к порогу. Молча вынув циркуляр, Иван Степанович прочитал его и с недоумением посмотрел на Петра Никитича.

— В этом и заключается затруднившее тебя дело? — спросил он.

— Так точно-с...

— Что ж тут особенного ты нашел? Палата требует, чтоб ей доставили сведения, какие есть в волости сенокосные луга, рыбные озера или пески, которые принадлежат казне и могли-бы быть обращены в оброчные статьи...

— Так точно-с...

— Есть в волости такие угодья, которые принадлежат казне?

— Есть.

— И донеси палате, что есть. Об таких пустяках не следовало и ехать спрашивать меня! — с неудовольствием произнес Иван Степанович, доставая из коробки свежие лайковые перчатки и растягивая их на пальцах левой руки.

— Позвольте, ваше высокородие, обстоятельнее изложить пред вами настоящее дело? — спросил Петр Никитич, откашлявшись

В руку.

— Говори, — ответил Иван Степанович, не оглядываясь.

— На основании этого циркуляра, ваше высокородие, мы должны донести, что в пределах волости есть рыбное озеро, называемое Святым, которое принадлежит казне и приносит крестьянам в год от трех до четырех тысяч рублей дохода. Палата зачислит озеро в оброчную статью, и тогда крестьяне, чтоб пользоваться им, должны будут арендовать его у казны.

— Весьма естественно. Палата и имеет это в виду...

— Так точно-с. Но тут встречается, ваше высокородие, обстоятельство, для изложения коего я и осмелился беспокоить вас.

— Какое же еще обстоятельство?

— Вашему высокородию небезызвестно, что немногие из крестьян нашей волости занимаются хлебопашеством, вследствие дурной, болотистой почвы земли?

— Знаю!

— Единственным источником для безбедного существования их и оезнедоимочной

уплаты податей и повинностей служат; вырубка на продажу строевого леса, выделка деревянной посуды, а главное, улов рыбы из озера. Если озеро отберут у них, тогда они неминуемо обнищают, так как исключительно только вырубкой леса и поделкой посуды они не могут существовать.

— Они будут арендовать озеро и пользоваться им, — заметил Иван Степанович,

— Совершенно справедливо, ваше высококородие; но так как арендная плата в виду того дохода, какой приносит озеро, по всем вероятностям будет значительная, — не менее полутора или двух тысяч в год, — то уплачивать такую значительную сумму, не нарушая своего благосостояния, крестьяне могли бы, ваше высококородие, только в таком случае, если б, сообразно с новым расходом, увеличился и их доход; но нести подобный непредвиденный расход из той же суммы дохода, какой они имеют теперь, они не в состоянии. А посему они будут постепенно беднеть, на них будет накапливаться недоимка, и кончится тем, что богатая теперь волость придет со временем в состояние крайнего упадка.

— Ну, так что ж нам делать в таком случае? — вопросительно взглянув на него, сказал Иван Степанович. — Ведь мы не виноваты в этом, распоряжение это идет не от нас.

— Так точно-с... Посему я и осмелился беспокоить вас; не благоугодно ли вам будет изыскать меры к предотвращению сего зла?

— Ну, ну, ну... Какие же меры? Ну, что бы ты сделал, бывши на моем месте? — спросил Иван Степанович, вскочив с кресла, и остановился посреди комнаты, заложив руки за фалды фрака.

— Я бы донес, ваше высококородие, что в пределах волости есть озеро, не вошедшее в надел крестьян и составляющее собственность казны, но озеро совершенно безрыбное, дохода никакого не приносит, и зачислять его в оброчную статью не встречается надобности.

— То есть как же это? — широко раскрыв глаза, с недоумением спросил Иван Степанович. — Совершил бы наглый обман, клонящийся к намеренному подрыву интересов казны, а-а?

— Подобным донесением, ваше высококоро-

дие, я не подорвал бы интересов казны, а сохранил бы их, — спокойно ответил Петр Никитич.

— Не понимаю, как это: объясни.

— Как я уже имел честь доложить вашему высокородию, — начал Петр Никитич, — если озеро зачислят в казну и крестьяне будут арендовать его, то это немедленно повлечет за собою постепенное обеднение их, что прежде всего выразится в неаккуратной уплате податей и в накоплении недоимки. Казна будет получать ежегодно полторы или две тысячи рублей за озеро и в то же время будет более терять от недобора податей с волости. Для казны, ваше высокородие, более интереса, если волость в количестве тысяча трехсот душ живет безбедно, аккуратно уплачивает подати и повинности в размере девяти или десяти тысяч в год, нежели, погнавшись за тысячью пятьюстами или двумя тысячами рублей дохода от аренды озера, она приведет со временем волость в крайнюю нищету и допустит накопление недоимки, которую должна будет прощать им по безнадежности взыскания.

Молча выслушав доводы Петра Никитича, Иван Степанович, понутив голову, задумчиво прошелся несколько раз по кабинету и затем, остановившись у окна, забарабанил пальцами по стеклу. Петр Никитич искоса наблюдал за ним, покашливая время от времени в руку.

— Хорошо! — произнес вдруг Иван Степанович, круто повернувшись к нему на каблучке. — Донесем мы, что озеро безрыбное, доходу не дает; а вдруг откроется, что мы донесли ложно, а? Тогда что? Тогда ведь, брат, не похвалят! Тогда ведь достанется всем сестрам по серьгам!

— Не достанется, ваше высокородие!

— Да ведь это ты говоришь? А я тебе говорю, что достанется. Ведь озеро-то это здесь все знают.

— Знают... так точно-с!

— А ты донесешь, что оно безрыбное? Отличишься! Положим, ты сделаешь это с похвальной целью оградить интересы казны и крестьян! Да такими ли глазами посмотрят на твой поступок вверху, а-а? Ты подумал ли об этом, а?..

— Думал, ваше высокородие!

— Ну, что ж?

— Если даже и догадаются, то посмотрят на это донесение сквозь пальцы... а чтоб догадались — сомнительно!

— Ну, не-ет, брат, это ты шалишь! — сделав пируэт перед ним на каблуке и закусив губу, фамильярно произнес Иван Степанович. — Шали-и-ишь! — повторил он.

— Неужели вы, ваше высокородие, изволили полагать, что палата будет справляться: верно мы донесли или нет. Да ведь в таком случае ей бы по каждому донесению волостных правлений следовало производить удостоверения. А если бы даже и догадались, что сведения, доставленные нами, неверны, то палата также хорошо знает, что в большинстве случаев доставляемые волостными правлениями сведения страдают отсутствием истины. Вот если бы волости, ваше высокородие, стали всегда доносить одну истину, так это бы скорее не понравилось, — с иронией произнес Петр Никитич.

— Что ты за вздор городишь, — прервал его Иван Степанович.

— Истину докладываю вам! Позвольте

мне, в подтверждение моих слов, рассказать случай, бывший со мной еще при покойном предместнике вашем, Олимпане Гавриловиче Нурядове.

— Ну... что такое? — произнес Иван Степанович, взглянув на часы и снова спуская их в карман.

— Это было еще в первый год моей службы писарем, ваше высокородие. Нужно было представить обычный годовой отчет о состоянии волости. Я и представил, составив его по сущей совести и правде. Проводит недели две: вдруг требуют доставить меня с нарочным в губернское правление. Я испугался, думаю, что такое случилось? Приезжаю, являюсь. Выходит ко мне советник с моим отчетом в руках. "Ты, говорит, писарь X-ой волости?" — "Я!" — "Ты составлял отчет?" — "Я!" — "Что, говорит, в волости действительно нет ни одной школы, завода... и не существует между крестьянами никаких ремесел, кроме выделки деревянной посуды?" — "Так точно, говорю, ваще высокობлагородие!" — "Что же, говорит, подумает высшее начальство, когда мы представим такие статистические дан-

ные? Значит, мы небрежем о народном образовании, о народном благосостоянии и развитии мануфактур и промышленности?" — "Не могу, говорю, знать, ваше высокоблагородие: я составлял по сущей совести!" Взглянул он на меня так сурово и говорит: "Садись и перебели эту страницу; пиши: школ — одна; посещают ее от пятидесяти до шестидесяти учеников обоего пола". Я так и обомлел: но делать нечего, сел и пишу. "Пиши, что в волости имеется один канатный завод, производящий оборот капитала: от трех до пяти тысяч в год, и завод для выделки лыка на кули и рогожи, и, кроме того, в населении распространены мелкие заводы для выделки посуды и других деревянных изделий. Промышленность среди крестьян ежегодно увеличивается, а вместе с оной возрастает их благосостояние, с развитием же среди них грамотности заметно улучшается нравственность".

— И ты написал все это?

— Смел ли послушаться, ваше высокоблагородие, если приказали...

— Ну, это того, однакож, курьез, ха-ха-ха... И с тех пор ты так и составляешь отчеты?

— Сами изволите читать, ваше высококородие!

— Да, да, — ответил, покраснев, Иван Степанович, который никогда не читал отчетов, доставляемых волостными правлениями, хотя и скреплял их подписью, — да, да, у нас все так, на бумаге все есть, все процветает: и промышленность, и образование, и благосостояние народа, — с какой-то грустью в голосе произнес он.

— Так и в этом случае, ваше высококородие: неужели палата знает, какие где озера, и рыбные они или нет, и будет поверять все донесения волостных правлений? Если б она знала о существовании Святого озера, то давно бы уж зачислила его в оброчную статью. Получат наш ответ, прочтут и пришьют к делу. Тем все и ограничится!

— Рискованно, брат, рискованно! А вдруг, а?

— Как угодно-с.

— А вдруг, говорю, откроется, а? Тогда что? — остановившись против него, спросил Иван Степанович. — Тогда ведь н того, потянут...

— И не такие дела, ваше высокородие, делают, да не притягивают! — заметил Петр Никитич.

— Ну, представь себе, что ты донес, как говоришь, и вдруг получаешь запрос: что так как, по имеющимся сведениям, озеро, называемое Святым, оказывается рыбным и весьма доходным, то какими данными руководилось волостное правление, сообщая о совершенней бездоходности такового, а?

— Отпишем-с!

— Говори, что же ты отпишешь?

— Сообщим, что озеро это действительно когда-то считалось чрезвычайно богатым рыбой, но с течением времени улов таковой становился все менее и менее, а за последние года, по отзывам крестьян, спрошенных по сему поводу, окончательно иссяк, вследствие чего, дабы не ввести палату в заблуждение неосновательным сообщением о доходности озера, волостное правление донесло в отрицательном смысле.

— И ты полагаешь, этим удовлетворятся?

— Удовлетворятся, ваше высокородие, на том основании, что кто же может поручиться,

что завтра же в этом озере не может исчезнуть вся рыба и завтра же снова появиться? Ведь все это дело в руках божьих.

— Гм! Так-то оно так! — пройдя по комнате, с раздумьем произнес видимо колебавшийся Иван Степанович.

— Если донести, ваше высочество, не скрывая истины, — снова начал Петр Никитич, — и выяснить при этом палате, что зачисление озера в оброчную статью будет угрожать разорением волости, и ходатайствовать о том, чтобы озеро отдали в надел крестьянам, то решение этого вопроса будет зависеть от министерства, и пока он выяснится, озеро все-таки зачислят в оброчную статью; а будет уважено ходатайство или нет, это еще неизвестно. Тогда как, донеся теперь о непригодности озера, мы можем, ваше высочество, чрез полгода войти с ходатайством об отдаче его в надел крестьянам, в том внимании, что они пользуются озером для сплава вырубаемого за тундру леса. Ввиду непригодности озера, решение вопроса об отдаче его в надел будет зависеть, от палаты, и она уважит наше ходатайство!

— А-а! Вот этак-то разве! Ну, так оно того... Однакож заболтался я с тобой, — неожиданно произнес Иван Степанович, взглянув на часы, — мне ведь давно уже нужно бы ехать! О-ох, дела, дела! — вздохнув, сказал он с усталым видом. — Да! Так что я хотел сказать тебе? Да! Хоть мне, признаться сказать, и не хотелось бы прибегать к какой бы то ни было лжи, потому что ложь противна моей натуре, но как я вникнул теперь в положение крестьян, которое действительно будет безотрад-но, если у них отберут озеро... а я желаю всякому добра, и желаю его искренно, а в особен-ности мужику, то... донеси, как ты говорил. Попробуй, посмотрим, что выйдет. Может быть, и удастся оградить их от нужды! Ну, а если загорится дело, так я поствращаюсь ула-дить его своими мерами. Понял?

— Слушаю-сь!

— Более у тебя ничего нет сказать мне?

— Никак нет-с, ваше высокородие!

— Ну так прощай, или, скорее, до свиданья! Я, может быть, в начале будущего месяца улучу денек-другой и заверну в волость. Да пойдешь когда, так зайди в людскую, скажи,

чтоб мне подали лошадей.

В тот же день, после сытного обеда, Петр Никитич собрался в обратный путь. Харитон Игнатьевич, тщетно старавшийся проникнуть в тайну совещаний его с Иваном Степановичем и ничего не добившийся, только вздыхал, трепал Петра Никитича по плечу да приговаривал время от времени: "Ну, ну, смотри тачай дело крепче, кабы умственная-то дратва не подпоролась где, хе-хе-е!" и любовно заглядывал ему при этом в глаза, потирая руки. Прощаясь с ним, Дарья Артамоновна вручила ему небольшой кулек на память, в котором было завернуто фунт чаю, два фунта сахару и банка домашнего варенья. Гостинцы эти были вручены ею Петру Никитичу по особому приказанию Харитона Игнатьевича, не любившего без нужды баловать своих друзей угощением и подачками,

-

В глухой пустынной местности была заброшена X-ская волость. Пробраться в нее была возможность только в одноколке или на лошади верхом, чрез первобытные леса и бо-

лота, усеянные мелкими озерами. Изредка среди унылой, однообразной равнины выдавалась узкая полоса удобной хлебопахотной земли или небольшая холмистая поляна, и эти ласкавшие взгляд оазисы природа, казалось, рассыпала только для того, чтобы резче оттенить бесплодную тундру. Немногие из крестьян этой волости занимались хлебопашеством, да и те часто не возвращали зерна, потраченного на посев, и, несмотря на такие условия, крестьяне все-таки славились крупной зажиточностью. "Гиблые у нас места, не род на них хлебу; не будь у нас леску да богатного озера, так давно бы ходили по миру!" — обыкновенно отвечали они на вопросы любопытных, интересовавшихся знать, на чем основывается их благосостояние. Густые обширные леса, или "божья нива", как говорит народ, тянулись от востока к северу по всей волости и терялись в глубине тундр, куда не заходила еще нога человека. В лесах таились обширные озера, окаймлявшие волость, как ожерелье. Весь ряд этих озер крестьяне соединили искусственными протоками для сплава водою вырубаемого леса, дров,

лыка, угля и выгоняемых из дерева смолы и дегтя. Деревянная посуда, какую выделывали они, а также колеса, телеги и дуги славились своею прочностью далеко за пределами Т-ой губернии. Не на один десяток рублей сбывала трудолюбивая крестьянская семья этих изделий на сельских ярмарках и заезжим скупщикам. Но одна торговля лесом и изделиями из дерева не доставила бы крестьянам того благосостояния, каким они пользовались. Они черпали его главным образом в Святом озере. Богатое рыбой, озеро занимало площадь в двенадцать, а местами в шестнадцать верст ширины и тянулось на протяжении двадцати верст. Плоские берега его скрывались в зеленой осоке, девственные леса окаймляли его со всех сторон, как бы охраняя своею густой непроницаемою сетью от завистливого глаза. Узенькими тропинками, опасными даже для опытного пешехода, проложенными среди топких болот, пробирались к нему промышленники, неся на себе провизию, невода и рыболовные снаряды. Лепившиеся кое-где по берегам озера устроенные на сваях избушки, в которых промышленники находили приют

от осенних ветров и зимних вьюг, придавали несколько оживленный вид этой пустынной местности. Добываемая в озере рыба, особенно караси, по своему крупному объему составляла редкость даже в Сибири и дорого ценилась на рынках. В годы, богатые уловом, бедная по числу работников семья сбывала рыбы с одного летнего промысла на шестьдесят, на семьдесят рублей. Лет за шестьдесят до описываемого мною времени крестьяне пользовались озером вместе с инородцами Чубур-ой волости, небольшие селения которых, или юрты, были разбросаны в пограничных лесах. Отчасти по природной беспечности, а вернее всего во избежание столкновений с крестьянами, робкие и уступчивые инородцы постепенно, отстранились от озера и в последнее время не смели даже и появляться около него. Отчуждение их от озера крестьяне объясняли тем, что какой-то старец, необычайно светлый ликом, пугал будто бы каждого инородца, желавшего забросить в озеро свою сеть или невод, или скрывал пути к озеру, заставляя бесцельно блуждать по лесам и болотам. Благодаря этим легендам, пе-

реходившим из рода в род, озеро нарекли "Святым" и построили около него часовню, в которой ежегодно перед началом весеннего улова служили молебн. Крестьяне домогались даже устроить крестный ход к озеру и ярмарку в ближнем, к нему селе, но епархиальное начальство почему-то не уважило ходатайство, и вопрос об этом замолк.

Волость считалась богатейшею в Т-ой губернии и единственной, на которой никогда не числились недоимки. Но эта завидная для других зажиточность нелегко доставалась крестьянам. Круглый год они проводили в упорном труде, не зная отдыха и праздников. Летом и осенью села и деревни совершенно пустели; мужчины, чередуясь между собою погодно, уходили артелями, — одна половина в леса, сплавать дрова и строевой лес, вырубленный зимою, другая на озеро, на рыбный промысел. Многолетние старики, и те жили летом в лесах, выкуривали деготь, выгоняли смолу, жгли уголь и драли лыко. Зимой, до января, большинство крестьян занималось выделкой посуды и других изделий, а с января снова уходило в леса для вырубki

дров и строевого и поделочного дерева. Вязанье сетей, мережи для неводов и окраска посуды лежали исключительно на обязанности женщин и детей. Жители смежных волостей частенько подсмеивались над неутомимым трудолюбием своих соседей, называя их "болотными скаредами", но втайне завидовали им и в нужде не иначе как к ним обращались за помощью, уступая им за бесценок лен, коноплю, хлеб, овощи и сено. Благодаря своей заброшенности в глуши волость эта представляла особенный мирок, с особым складом жизни и обычаев. Случались ли между крестьянами споры из-за промыслов или при дележе добычи, все эти дела кончали по решению стариков, выбираемых обществом из своей среды. Ни одно дело не доходило даже до волостного суда, не только далее. Власти редко заглядывали в этот уголок, по отсутствию хороших дорог, и появление чиновника каждый раз возбуждало в крестьянах любопытство, смешанное с боязнью. В волости не было ни одной школы, но не было также и ни одного кабака, и хотя крестьяне отзывались, "что им некогда пить, что до баловства

этого они не охочи", но существовали сильные подозрения, что, защищенные неудобством путей сообщения от надзора полиции и чиновников акцизного ведомства, они свободно выкуривали вино для своего удовольствия.

Возвратившись из города, Петр Никитич застал в селе X-во волостного голову Мирона Кузьмича Бочарова, пригласил его к себе, прочитал ему циркуляр и объяснил, что, по приказанию исправника, для того чтобы оставить озеро во владении крестьян, нужно составить общественный приговор и довести, что озеро безрыбное, не приносит никакого дохода и крестьяне не имеют в нем надобности. Мирон Кузьмич был человек пожилой, тихого, нерешительного характера, не отличался умом, хотя и любил с глубокомысленным видом резонерствовать по всякому поводу. Он не нашелся что отвечать и с полчаса сидел молча, усердно отирая, пот, крупными каплями выступавший на лбу и щеках. Он не мог понять ничего из всех разъяснений Петра Никитича. В ушах его только и звенели грозные слова: "Озеро отберут в казну и зачислят

в оброчную статью!" Он так и ушел, не уяснив в чем дело, и немедленно поехал в деревню Подъельную, к крестьянину Никифору Гавриловичу Бахлыкову, считавшемуся в народе умным и опытным человеком. Выслушав бессвязный рассказ Мирона Кузьмича, старик Бахлыков сказал ему: "Дело это, Мирон Кузьмич, общественное, вековое; от озера питались и деды и отцы наши, от озера и мы сыты и благополучны. Хоша мы от Петра Никитича и не видали ничего худого, но полагаться на один его слова в эфтом деле не можно. А ты, на мой ум, поезжай-ко завтра сам к исправнику и спроси его доподлинно, как и что, а опосля того собери все обчество, и мы сообча подумаем, как и что делать нам!" Пока, по совету Бахлыкова, Мирон Кузьмич ездил в город, весть, что озеро зачисляют в оброчную статью, пробралась в народ, вызывая в нем шумное волнение, и когда волостные сотники объезжали села и деревни, сзывая крестьян на сход, каждый знал уже причины схода.

Никогда еще не замечалось в крестьянах такого оживления, как в эту памятную для

них пору. Вышедшие из подушного оклада старики и молодежь, не имевшая еще права голоса, одинаково ехали в волость послушать, чем решит мир вопрос об озере, от которого зависело все их благосостояние. В день схода небольшое здание волости не вместило в своих стенах массы народа. Крестьяне теснились на крыльце и на улице у раскрытых окон. Мирон Кузьмич, облеченный в жалованный кафтан, с трудом пробрался через толпу. Несколько минут по приходе его длилось молчание. Вынув из кармана платок и отерев им потное лицо, он спросил, обратившись к народу:

— Слыхали, поди, господа občественники, про горе-то наше?

— Как не слышать, Мирон Кузьмич, слышали! — заговорили в толпе в ответ ему.

— Добрая-то весть не скоро доходит, а худую-то на полслове ветер подхватывает да в уши несет!

— Учи, чего теперь делать-то нам! Неуж поступимся озером-то? — наперерыв говорили в толпе.

— За озеро нам, občественники, надо гру-

дью стоять, дело это вековое! — ответил Мирон Кузьмич, глубоко вздохнув. — Не дай господи сплошать нам! Перед богом ответ за наших деток дадим, ежели пустим их идти по миру за наши грехи... По этому самому был я у исправника, обчественники, утруждал его милость разговором, и теперича по разговорам этим касательно озера так обсудили, чтобы нам при всяком случае...

— Мирон Кузьмич, — прервал его Петр Никитич, вставая со стула, — обществу бы нужно прочесть прежде циркулярное предписание палаты и потом уже выяснить соображения, как предполагаем мы ответить на него. —

— Известное дело, надоть гумагу прежде читать, что написано в ней про озеро! — раздались голоса. — А то мы эк-то до ночи будем слова-то, что зерно, без толку из мешка в мешок пересыпать.

— Читай гумагу, послушаем, чего пишут! — решил сход.

Громко и отчетливо произнося каждое слово, прочитал Петр Никитич циркуляр. Слушая его, народ, казалось, затаил дыхание, и несколько минут по окончании чтения все

молчали.

— Что-то я в толк не возьму! — произнес, наконец, высокий худой старик в халате из черного смурого сукна, стоящий в переднем ряду. — В бумаге о Святом озере ровно и помину нет! — спросил он, пристально глядя на Петра Никитича.

— Не упоминается! — ответил Петр Никитич. — В этой бумаге требуют, чтобы волостное правление донесло, нет ли в волости озер или рыбных песков на реках, не отданных в надел крестьянам, а принадлежащих казне, которые по зачислении их в оброчные статьи могли бы сдаваться в аренду, — пояснил Петр Никитич.

— А разве наше-то озеро казенное? — прервали его.

— Казенное.

— С коих это пор казна-то хозяином ему стала? — заговорили в толпе. — Мы все думали в простоте-то, что оно божье да наше.

— Все земли, леса и другие уголья, — начал пояснять Петр Никитич, — хотя бы даже и отданные в надел крестьянам, все-таки принадлежат казне, как ее собственность, и казна

сдает эти земли вам в оброк, почему вы и платите за пользование ими оброчную подать! Святое же озеро не отдано вам в надел, и, следовательно, хозяин ему во всяком случае казна, а не вы.

— С чего ты взял, что хозяин ему казна, а не мы? — прервали его. — Что не отдано нам, а? Почто же это деды и отцы наши владели озером? Казна не вступалась в него, а теперь вдруг спохватилась!

— Постой... постой! — прервали их десятки голосов из толпы, в которой сыпался крупный говор. — Ты говоришь, что озеро казенное!

— Казенное! — ответил Петр Никитич.

— А мы-то какие такие люди, казенные аль вольные, а-а?

— Государственные крестьяне!

— Стало быть, и мы казенные и озеро казенное, как бы одной матки дети, так, что ли?

— Так...

— Пошто же это казна-то у своих деток добро отнимает, а? Статочное ли дело, чтобы мать у своего ребенка грудь отнимала, оставила его голодом да подпустила бы к ней чу-

жого, а?

— Бог ведь озерко-то рыбкой населил на обчую потребу!

— Не то вы все говорите, братцы... Тут надо, всякое слово по форме выпускать! — крикнул старик в смуром халате, обращаясь к толпе, — Пстой, дайте вымолвить-то! — кричал он. — Ты говоришь, Петр Никитич, что озеро не отдано нам?

— Нет!

— Втолкуй же, пошто отцы и деды владели озером, казна не вступалась, а теперь отбирает его у нас? Стало быть, оно наше было?

— Оно никогда не было вашим, а не отобрано до сих пор у вас озеро потому, что не знали о существовании его.

— А теперича знают?

— И теперь не знают, почему и. требуют, чтоб донесли, нет ли в волости озер, которые принадлежат казне...

— А-а! Не знают! Так и ты молчи, притаись!

— И то, Петр Никитич! Прямое дело, слышь, язык-то за зубами держать!

— Пиши, что нет озера...

— Было, мол, озеро, да пристращали в оброк отдать, так спряталось... ходи там по лесам-то да по болотам, аукай его, откликнется ль!

В толпе прокатился громкий взрыв хохота, поощривший выходку остряка.

— Нет, господа, умолчать об озере, донести, что нет его, — нельзя! — произнес Петр Никитич, возвышая голос, чтобы заглушить неумолкавший говор и смех. — А вдруг откроется, что в волости есть озеро, принадлежит оно казне, что вы испокон веку хозяйничаете на нем, а мы умышленно умолчим, с целью подорвать интерес казны. Тогда ведь, господа, не поздоровится ни мне, ни волостному, ни земскому начальству. Тогда ведь и под суд отдадут.

— Правду, братцы, Петр Никитич говорит, правду! — вступился старик Бахлыков. — В целое-то бревно никто клина не вколачивает, а все прежде надколет его; так и в этом деле надоть прежде обсудить, да потом вершить. Вот ты скажи-ко нам, Петр Никитич, а вы, общественники, послушайте, — обратился он к толпе, — зря-то слова не мечите, не сбивайте

с речи... Коли ты напишешь, что у нас есть озеро, казенным считается, то чего же опосля того будет, чего казна-то с ним делать станет?

— Зачислит в оброчную статью и будет отдавать с торгов в аренду желающим взять его.

— За плату?

— Конечно, не даром!

— А много ли она этой платы положит? — заговорили в толпе, прервав Бахлыкова.

— Вы слышали, что в бумаге требуют подробно донести, какой доход дает озеро или рыбный песок. Следовательно, мы должны донести, что вы вылавливаете в озере рыбы, ну, скажем, хоть на четыре тысячи в год. Имея в виду такой доход от озера, казна положит арендной платы за него тысячу рублей в год и на торгах оставит озеро за тем, кто больше даст.

— Кому же она отдавать его будет?

— Если вы пожелаете оставить его за собой, она вам и отдаст его.

— За тысячу рублей?

— Ну не-е-ет, подороже, может быть и за две, и за три тысячи, а то и все четыре заплатите. Охотников-то пользоваться озером и

кроме вас много найдется. Значит, на торгах-то наколотят на него цену.

— О-о-о! Три аль четыре тысячи! Ну, это деньги!

— Погни-ко горб добыть их!

— И в мороз потом обольешься!

— Обольешься, брат, а нуждой, что солнышком, обсушишься!

— Петр Никитич, послушай-ко! — кричал в толпе молодой крестьянин, усиливаясь пробраться вперед. — Скажи-ка нам, если мы теperеча всем обчеством, сколько есть нас, сколотимся с казной-то на трех тысячах за озеро, тогда уж, стало быть, мы не будем платить ни подушной, ни оброчной подати и уж никакой крестьянской тяготы не будем нести на горбах-то, а-а?

— За что же такая милость настанет для вас, а? — с иронией спросил Петр Никитич.

— Эва, а как же иначе, сердешный ты человек! — отвечал тот, продравшись, наконец, после многих усилий к решетке. Лицо его было облито потом, и включенная борода торчала почти стоймя. — Мы ведь деньги-то, что выручаем за рыбку, в казну же отдаём, мимо

кармана-то ее они не минуют, а то бы где же нам денег-то на подать взять, кабы не озеро? На мой ум, оно и выходит, коли палата озеро возьмет у нас и мы его купим у ней за три тысячи арендательских денег, то уж, стало быть, податей с нас брать не будут, арендательские деньги вместо податей и пойдут в казну.

— Нет, это не все равно. Вы и тогда будете платить и подушную, и оброчную подать, и аренду само по себе. Ведь уж я толковал вам, что озеро казенное. Если вы не возьмете его в аренду, то возьмет другой и отдаст казне деньги за него. Если возьмете вы, то аренду будете платить за то, что будете пользоваться озером, а подушную и оброчную подать по закону, как платите и теперь!

— Ой-ой-ой! Это и за озеро плати, из которого мы добываем теперь подать, да и подати своим чередом вноси. Да где ж мы, братец, наберемся денег-то? А то, может, если озеро отберут у нас, так тогда не станут и податей с нас брать, а?

— Почему?

— Да ведь палата-то знает, поди, что, кроме как из озера, нам неоткуда денег добы-

вать!

— Если б и знала, то все-таки она не может освободить вас от уплаты податей и повинностей.

— Так где ж мы будем денег доставать, скажи ты нам, научи! — спросили уже десятки голосов.

— Где знаете, это уж ваше дело.

После ответа Петра Никитича на мгновение все смолкло. Но вдруг, точно от какого толчка, все заговорили разом. Как всегда бывает в многолюдной толпе, голоса слились в общий нестройный хор, в котором и чуткое ухо, при всем напряжении, уловило бы только отдельные, ничего не объясняющие слова.

— Я и говорю, что нам не надо плошать, обчужденники. Непусти нас, господь, ничими остаться! — говорил с тоскою в голосе Мирон Кузьмич небольшой кучке крестьян, преимущественно стариков, сгруппировавшихся у решетки. — Ведь это что ж, — рассуждал он, разводя руками, — коли мы озера решимся, так заживо в гроб ложись! Вот мы и думали думу, — я да Петр Никитич, пошли ему бог здоровья за то, что радеет об нас. Оно

бы и лучше не надо, чего мы надумали, да ты того, Петр Никитич... я-то, признаться... ты бы сам обсказал, — обратился он к нему, замаявшись.

— Ти-и-ше! Помолчите, братцы, прислушайтесь! — закричали в передних рядах, обращаясь к толпе, где взволнованные страсти вызывали горячий говор. У всех были покрасневшиеся и потные от духоты лица, все говорили, и трудно сказать, слушал ли кто-нибудь, что говорил ему другой. — Тише... ти-и-ше! — понеслось и в толпе. — Молчите ужо! Слушайте! Э-э-эх, воронье! Да помолчите, не каркайте! Чтоб вас! — раздались уже более энергические восклицания, сопровождаемые бранью.

— Отстоять озеро, общественники, дело не трудное, — начал Петр Никитич. — Обсудите только все основательнее. Нам нужно теперь сделать так, чтоб озеро попрежнему осталось за вами.

— Любо бы это, дай бы господь! — слышались в ответ ему восклицания.

— И мы отстоим его.

— Похвались-ко, как ты отстоишь-то

его? — спросил Бахлыков.

— Дело не мудрое! Палата не знает, что в волости есть озеро, а то бы давно отобрала его у нас и зачислили в оброчную статью. Поняли?

— Зевка бы не дала, как не понять, поняли!

— Вы составите общественный приговор, что озеро лежит среди болот и лесов, вдали от жилых мест, что оно совершенно безрыбное, так сказать бросовое, поняли?

— Это как же так! Мы всей волостью от озера кормимся, а ты из него единым словом всю рыбу выловил?

— Слушайте далее, не прерывайте!

— Ну, ну, послушаем, будь оно по-твоему, без рыбы!

— Мы скажем в общественном приговоре, — продолжал он, — что обращать озеро в оброчную статью, ввиду его непригодности, палате не предстоит надобности, так как едва ли найдутся желающие взять его в аренду. Поняли?

— Как не понять, хошь и мудрено что-то.

— Мудреного ничего нет, вы только подумайте хорошенько. Приговор мы представим

в палату, и палата, убедившись из него, что озеро бездоходное, махнет на него рукой, за-будет об нем, поняли?

— Оно и то... как будто дело-то подходящее...

— Сдается, будто хорошее слово-то! — заговорили в толпе.

— А ежели палата спохватится пощупать, надумает: правду ли написали, что в озере рыбы нет? — спросили из толпы.

— Что ж, вы думаете, она чиновников пошлет неводить на нем, а? — спросил Петр Никитич.

— А-а-ах-хв-ха-ха! — разразилась толпа. — Ну, это точно: наневодят! Ах, как ты любоутрафил словцом-то: наневодя-я-ят! Иной и сам замееет рыбы в невод угодит.

— Неладно чего-то надумал ты, Петр Никитич, — угрюмо отозвался старик Бахлыков среди хохота и сыпавшихся в толпе острот, вызванных последним замечанием. — Как бы греха какого не вышло, смотри! Ты даве сказал, что написать, что у нас нет озера, — боязно, неровен час, откроется фальшь — под суд отдадут! А этак-то написать, как ты говоришь,

еще опаснее; на мой ум, тут уж въяве обман.

— Обман, не скрываю! — сказал Петр Никитич.

— То и говорю! А ты подумал ли: ведь про наше-то озеро молва-то далеко идет. Все знают, что мы им живем, а ты напишешь, что рыбы в нем нет; ладно ли это будет?

— И напишем, а если усомнятся, пошлют удостовериться, так разве у вас язык-то не поворотится, ради своей пользы, сказать, что прежде, мол, оно было рыбное, а ныне хоть и невода не мечи, оскудело! Ведь не полезет же чиновник-то неводить, правду вы говорите или нет?

— Где уж полезет, это точно! — согласился с ним Бахлыков, с раздумьем почесав затылок. — А если бы без обману обойтись, по-душевному бы, напрямки бы сказать, что нет у нас ни хлебопахотной земли, ни сенокосов, и никаких промыслов, окромя лесного, что мы этим озерком только и кормимся, и подушную в нем добываем, и бездоимки вносим, а коли это озеро отнимут, так и подать нам негде будет добывать, да и кормиться-то Христовым именем придется... Так пуцай на-

чальство-то снизойдет к нашей слезнице и подарит нам озерко-то.

— Не имеет оно права сделать этого! — резко ответил ему Петр Никитич.

— Почто?

— Озеро казенное, а начальство не имеет права дарить казенные угодыя кому захочет, по своему произволу!

— По бедности-то нашей?

— Мало ли бедных-то на свете, не вы одни, так всем и раздаривай казенное добро?

— И то точка.

— Как ни повернись, все о что-нибудь запнешься; ну и статья-я! — со вздохом произнес низенький старичок с живыми искрившимися глазами, придававшими лицу его добродушный вид. — А ежели теперича мы, по твоему слову, отопремся от озера, скажем, что нам его не надо, а палата проведает про него, да и запишет его в оброк. Как же мы тогда будем, подумай-ко!

— Не беда, если б его и в оброк зачислили! Оно все-таки не минует ваших рук.

— Не минует? — пронеслось в толпе.

— Ни под каким видом. Если озеро и обра-

тят в оброчную статью, то прежде торгов предпишут нам произвести публикацию по волости для вызова желающих взять его в аренду и явиться на торги. По закону-то и самые торги произведутся в нашем волостном правлении; следовательно, помимо вас, никто не возьмет его в аренду.

— Это ты верно знаешь, что все так будет?

— Закон так гласит, а кто же осмелится обходить его?

— А-а! Ну, — это особь статья!

— Я одно скажу вам, общественники, — продолжал Петр Никитич, возвышая голос, — решайте как знаете, я человек посторонний, и если даю вам совет, как лучше поступить, так единственно желая добра вам, потому что я уж больше вас знаю и законы и порядки.

— Известное дело! Ты всякий закон жуешь, дай тебе господь за твое раденье об нас! Мы верим, что ты нам худа не скажешь. Слава тебе господи, одиннадцать годочков вместе хлеб-соль едим, пригляделись! — говорили наперерыв в толпе.

— Если сделаете так, как я вам говорю, то худа вам не будет, — продолжал он, — озера

не зачислят в оброк, а оставят его без внимания, и тогда пользуйтесь им по-старому, а для того, чтоб его отдали в надел вам, спустя несколько месяцев мы войдем о том с ходатайством по начальству, и озеро отдадут вам на веки вечные. Поняли? Одобряете ли?

Сход длился три дня... Много различных предложений составлялось крестьянами и отвергалось вследствие каких-нибудь неудобств. Общество разбилось, на несколько партий. Одни настаивали на том, чтобы положиться на милость начальства и, ввиду крайнего разорения, если отберут озеро, немедленно хлопотать об отдаче его в надел. Вожаком этой партии был старик Бахлыков, но немногие держались его мнения. Иные говорили, что лучше совсем молчать, что если ранее не знали о существовании озера, то не узнают и теперь. Большинство крестьян, в том числе голова, волостные чины и другие влиятельные в волости лица, отстаивали предложение Петра Никитича и под конец склонили в пользу его все общество. На третий день, около часу ночи, Петр Никитич прочитал, наконец, обществу составленный

им приговор следующего содержания: "Мы, нижепоименованные государственные крестьяне разных сел и деревень X-ой волости, T-ого округа и губернии, полноправные домохозяева, быв в общем собрании, обсуждали содержание предъявленного нам циркулярного предписания T-ой казенной палаты, от 12 октября сего 185... года за № 13746, и постановили: составить сей общественный наш приговор в том, что на земле, приписанной к нашей волости, в 65 верстах от населенных нами мест, среди болот и лесов, имеется не вошедшее в земельный надел наш озеро, называемое Святым. Так как вышереченное озеро безрыбно, то, по единогласному нашему мнению, по зачислении такового в казенную оброчную статью, по непригодности оно не к какому пользованию, не найдется желающих взять его в аренду. В том, что приговор сей учинен нами по добровольному и совокупному нашему соглашению, подписуемся..."

Не успел еще крестьянин, подписывавший за общество приговор, окончить работу, как общество постановило прибавить Петру Никитичу сто рублей жалованья и купить ему

на общественный счет корову и лошадь. "Ты и умирай у нас писарем! — кричали ему крестьяне. — Буде и женишься когда и детками бог благословит тебя, мы и их за твое добро не покинем, и их обстроим, не пойдут ужо по миру! Дай бог тебе веку за твое раденье об нас!" — кричали ему сотни голосов.

-
Харитон Игнатьевич, со дня на день с нетерпением ожидавший приезда Петра Никитича, встретил его небывалым угощением. На столе, покрытом чистою скатертью, стояла бутылка мадеры, тарелка с пряниками, на другой тарелке были нарезаны тоненькими ломтиками балык, походивший скорее на кирпич, и паюсная икра с подозрительными зелененькими жилками по краям. Пирог из свежепросольного муксуна завершал закуску. Даже как будто и комната в ожидании его была прибрана почище. Широкая перина, покрытая одеялом, сшитым из ситцевых лоскутков, гордо высилась на двуспальной кровати. Сундуки были покрыты ковриками, чистые холщовые половики скрывали косой расще-

лившийся пол. Беседа давно уже длилась между ними, не касаясь интересующего их дела. Казалось, ни тому, ни другому не хотелось поднять щекотливого вопроса, хотя наблюдательный Харитон Игнатьевич по первому взгляду на веселую наружность гостя понял, что дело кончилось успешно.

— Испей мадерцы-то, что ж ты! — поминутно приглашал он. — Я ждал тебя, готовил угощение, а ты и не касаешься ни к чему!

— А очень поджидал ты меня? — с иронией спросил Петр Никитич.

— Не то чтобы очень, ну, а все же поглядывал в окна-то, не едешь ли... Не потаю правды: за тебя-то я шибко радуюсь, уж хоть бы бог-то оглянулся на тебя да пригрел бы... Облупил ли скорлупку-то с ядрышка, как похвалялся? — спросил, наконец, он.

— Облупил,

— Хе-хе-хе... Ну и давай тебе господь! Такой характер теперича у меня, Петр Никитич, что я за всякого рад! Вижу я, что человеку бог счастья дает, фортунит ему — я и рад! Нет у меня этой зависти, как у других, жадности этой, чтобы все только мне одному в карман

плыло, а другому бы ничего... Нет! И всякому я готов помочь, ей-богу! Да кому говорить, и ты это знаешь... Помнишь, как нищую-то долю ты нес?

— Ну, что было, то прошло, Харитон Игнатьевич. Чего старое перетряхивать... оно уж не вернется более! — с неудовольствием прервал его Петр Никитич.

— Не в укор это я говорю тебе, не в укор. Избави господи... Бедность не порок, и тыкать ей в глаза человеку грех. Я к тому это говорю, что много горя ты потерпел и перекусить-то тебе было нечего, и головы-то было негде приклонить, и на плечи-то нечего было вздернуть! — с грустью качая головой, перечислял Харитон Игнатьевич претерпенные Петром Никитичем невзгоды. — Видал ли ты тогда от людей, чтоб они по-братски-то были с тобой, участием да лаской обогрели бы тебя, а-а?

— Не видал!

— Не видал — верно! — повторил Харитон Игнатьевич. — Все сторонились от тебя, как от чумного. А погляди, ежели усчастливит тебя бог, богат-то будешь, так отколе и наберет-

ся друзей и приятелей: отбою не будет.

— Уж это как водится, старая истина.

— И завсегда будет новая по вся дни на свете! А я вот не таков, я не в других. Сердце-то, говорю, у меня, Петр Никитич, доброжелательное. Да выпей ты мадерцы-то, ведь для тебя я расходовался, балычка-то отведай аль икорочки, вкусные! — При последних словах он налил ему в рюмку вина и задумался. — В старину не такие люди были, Петр Никитич! — грустно качая головой, произнес он.

— Хуже или лучше? — спросил тот, слегка прихлебывая из рюмки.

— Лучше, не в пример лучше! Хуже-то нынешних едва ли, брат, и народятся когда, ноне ровно и не люди, а звери будто хищные!

— За что ты вдруг людей-то невзлюбил... с чего это? — с иронией спросил Петр Никитич.

— Не стоят они любви и радения об них, не стоят! Поживи с мое на свете и узнаешь. О-о-ох, наболит на душе-то, насаднеет! — произнес Харитон Игнатьевич, приложив руку к груди, как бы для облегчения саднеющей боли в ней:

— Люди как люди, Харитон Игнатьевич,

все одно: какие они прежде были, такие и теперь. Нынче только поумнее будто стали, — ответил Петр Никитич.

— Плутоватее, а не умнее, — поправил его Харитон Игнатьевич, — ныне всякий только и норовит, как бы круглее обвести самого первого друга и приятеля, да запутать бы его, да кусок бы у него из горла урвать! Нонешнего человека ты, как зверя лютого, стерегись. А прежде все было, проще, любовней... Дружба меж людьми была, друг за друга душу клали; ну, это люди были стоящие звания!

— Правда ли это, Харитон Игнатьевич, не преувеличиваешь ли ты? — улыбаясь спросил Петр Никитич.

— С чего мне врать... Сущую правду говорю тебе, а ноне... — и Харитон Игнатьевич, не докончив, махнул рукой и, грустно склонив голову на правую ладонь, задумался.

С минуту в комнате царила невозмутимая тишина, прерываемая время от времени треском сальных оплывающих свеч да доносившимся из кухни плачем и возней детей, которых Дарья Артамоновна укладывала спать.

— Стало быть, уж ты совсем покончил де-

до-то с озером? — томным, как будто болезненным голосом спросил Харитон Игнатьевич, повидимому вовсе не интересуясь этим делом, а только желая поддержать прерванный разговор.

— Окончил.

— Как же ты это обломал-то его?

— Читай и увидишь, — ответил Петр Никитич, вынув из портфеля, не менее ветхого, как и бывший на нем нанковый сюртук, общественный приговор.

Харитон Игнатьевич внимательно, но тоже, повидимому, безучастно осмотрел приложенные к приговору печати волостных начальников, номер, каким был помечен приговор, прочитал про себя и самый приговор и рапорт, при котором он представлялся в казенную палату, и молча подал его Петру Никитичу.

— Чего ж теперь далее-то будет? — спросил он.

— Завтра сдам его в палату, и если кто хочет взять озеро, то нужно только подать в палату прошение, и ему беспрекословно отдадут его в пользование, — ответил Петр Ники-

тич.

— Ну, давай бог... Шибко я рад за тебя... все ж хоть кусок ты будешь иметь по гроб жизни. Не докуда тебе мыкаться без приюта на свете, пора и своим домком пожить, по-людски, отдохнуть от нужды да горести, — произнес Харитон Игнатьевич, сникая пальцами нагар со свеч.

— А за себя-то что ж ты не радуешься: ведь, кажется, озеро-то общий наш кусок, а? Что ж ты себя-то выделяешь? — спросил Петр Никитич, прищурившись и пристально глядя на него.

— Не-е-ет... меня уволь, — расслабленным голосом ответил он. — Я передумал и касательства не хочу к озеру иметь.

— А-а... неужели? — каким-то неопределенным тоном спросил Петр Никитич.

— Лета, друг, ушли, — тем же голосом ответил Харитон Игнатьевич. — Где уж мне этакими делами орудовать... да и то опять скажу тебе: у меня, слава тебе господи, есть хлеб, не голодую; за что я буду у тебя половину дохода отнимать, в два-то горла хватать? Владей уж ты им один... поправляйся!

— Спасибо тебе, Харитон Игнатьевич, что ты облегчил мою совесть! — громким, радостным голосом прервал его Петр Никитич, вскочив с сундука. — А я, признаться, ехал к тебе... и не знал, как приступить... как сказать тебе...

— Про что это? — спросил он, не глядя на него, хотя по движению головы было заметно, что его как будто что-то кольнуло. —

— Совесть мучила меня, — продолжал Петр Никитич, быстро ходя по комнате, — ну, думал, выгонит меня Харитон Игнатьевич и наругается досыта. И стоило бы, стоило, не похваляю себя.

— За что мне тебя бранить? Живем любовно, пакостей друг другу не делали, одолжались еще.

— Я ведь порешил с озером-то, продал его Калмыкову, знаешь ли ты это? — спросил Петр Никитич, остановившись против него.

— Ка-а-ак? — протянул Харитон Игнатьевич, меняясь в лице.

— Ныне приехал он в волость к нам, — продолжал Петр Никитич, будто не замечая перемены в лице и голосе своего собеседни-

ка, — затем, чтобы скупать, по обыкновению, у крестьян рыбу и посуду, зазвал меня к себе... подпоил меня, братец, бутылки две мадеры мы высидели с ним в вечер-то, разговорились о том да о сем... Черт меня и дерни разболтать ему про озеро-то... А парень ведь он, сам знаешь, разбитной, на все руки, и пристал ко мне; отдай да отдай ему озеро... а то, говорит, открою мужикам весь твой умысел... На пятнадцати тысячах и сладились.

— Сла-а-адились? — повторил глухим голосом Харитон Игнатьевич.

— Задаток уж взял! На другой день я только опомнился... а-а-ах да о-р-ох... да уж чего... сделано — не воротишь! Просто не знал, как к тебе глаза показать... И так ты теперь облегчил мне душу своим отказом от озера, что не внаю, какое и спасибо тебе говорить... Ехал-то я к тебе...

— Напрасно ехал-то, заодно бы уж и воротил мимо... — весь бледный, дрожащим голосом прервал его Харитон Игнатьевич.

— Все же сказать нужно было тебе.

— Какими же мне теперича глазами глядеть на тебя, скажи ты мне, а-а? — сжимая ку-

лаки, спросил он.

— Ругай, ругай, как знаешь, кругом виноват пред тобой!

— Ругай! Да разве слово-то прильнет к тебе?

— Ну, плюнь мне в глаза, все же мне легче будет смотреть на тебя.

— Оботрешься... да такой же станешь, — дрожащим голосом сквозь зубы процедил Харитон Игнатьевич. — Вишь, какая совесть-то у тебя, а-а? — захлебываясь, заговорил он, не скрывая более своего волнения. — Меня-я, человека, что тебя нищего призревал, поил... кормил... ты сменял на первого попавшегося тебе на глаза, а-а-а?

— Спьяна поддел он меня, Харитон Игнатьевич, каюсь, спьяна! — жалобным голосом и с сокрушенным видом оправдывался Петр Никитич.

— Что ты теперича сделал со мной, а? Ведь я, в надежде на озеро-то, подряда лишился, что тыщи бы дал мне... — вскочив в свою очередь с сундука, говорил он. — Ведь я залоги, что внес, обратно взял... подлая душа твоя... знаешь ли ты это?

— Неужели! А-ах, боже мой, боже мой! — повидимому с ужасом произнес Петр Никитич. — Прости ты меня, бога ради. Вот что я наделал с тобой за твою-то хлеб-соль... А все вино... все это оно, проклятое!

— Ну, что я теперь делать буду?! — всхлопнув руками, произнес Харитон Игнатьевич. — И ты, подлый, еще в дом ко мне глаза казать приехал... — со слезами в голосе уже говорил он, — и тут еще, уж зазнамо обокравши меня... хлеб мой ел, вино мое пил!

— Отплачу, бог даст!

— Отплатишь! Знаю теперь твою-то расплату! Ну, помни же, Петр Никитич, — продолжал он, с азартом стуча кулаком по столу, — буду и я тебе друг... помни ты это... Я тебе это озеро поперек горла поставлю... уж коли не мне... так и никому оно не достанется! Помни!.

— Но ведь тебе же не нужно озера, ты сам сказал!

— Когда я говорил тебе это? Разве уж не решено было меж нами, что озеро будет общее наше, а?

— Сейчас говорил ты мне! Припомни свои

слова, не волнуйся! Минуты не прошло еще, как ты сказал мне, что и лета тебе не дозволяют этим делом орудовать... и что тебе не хочется меня обижать — брать половину дохода себе!.. чтоб я владел озером один, а тебя уволил... что ты и касаться к нему не хочешь!

— А... а... если... я, может быть... того, пытал твою душу, говоря эти слова, — заикаясь ответил он.

— Милый друг, ты и не сердись на меня, — переменяя тонна суровые ноты, заговорил Петр Никитич, — я когда продавал озеро Калмыкову, то так и думал, что ты согласишься взять озеро за себя ради шутки, просто только испытывая меня. Вишь ведь ты какое чадо: у тебя на дню семь пятниц, ты сейчас скажешь слово, да тут же и отопрешься. Мог ли я надеяться, посуди, что, когда уж все дело будет обделано, ты снова не откажешься от озера? Оно так и вышло! Вот почему, когда подвернулся подходящий покупатель, я и согрешил пред тобой — продал его... прости!

— Разорил ты меня... разорил... Помни ты это! — опустившись в изнеможении на сундук, хриплым голосом ответил Харитон Игна-

тьевич.

— Чем я тебя разорил? Разве деньги ты дал мне, а?! Ты и векселя не хотел давать, вспомни-ко хорошенько!

— Я б те наличными выдал.

— Так бы и говорил тогда, когда я предлагал тебе озеро, а ты тогда только без пути ломался надо мной. Шутки шутил да ругал меня... а?

— Ладно, коли ты со мной так поступил, так и я тебе друг буду, услужу... не увидит твой Калмыков озера! — снова вскочив с сундука, крикнул Харитон Игнатьевич.

— Почему не увидит? Ведь ты читал приговор... Теперь уж все кончено, теперь уж озеро в моих руках.

— Завтра же в волость поеду... и все твои умыслы мужикам раскрою, — горячился Харитон Игнатьевич, то садясь на сундук, то снова вскакивая с него и поминутно поправляя поясок на рубахе, который, казалось, стеснял его.

— О-о-о! Поезжай, голубчик, и говори, что хочешь... Тебя ведь знают там! Спроси-ко прежде, кто еще твоим словам веру даст, а?

— Мы и повыше пойдём... уши-то и у начальства есть.

— Иди! Я не больно боюсь, не из трусливых! Только кто про кого более поведает начальству, посмотрим! А я тебе вот что скажу, Харитон Игнатьевич, — отрывисто и бледнея продолжал Петр Никитич, — ты со мной так не разговаривай, я не люблю... Ты, брат, помни, что коли дело на ссору пойдет, то мне стоит только сказать кой-кому два-три слова, и ты затанцуешь на аркане. Слышал?

— Ты... ты... ты... что ж это взъелся-то на меня? Разве... я... я... обидел тебя чем? — заикаясь и бледнея, произнес Харитон Игнатьевич. — Я... я... кажись, любовно с тобой...

— Если любовно жить хочешь со мной, так и делай любовно, а обидных намеков да шуток не выкидывай! Я ведь уж не ребенок... школ-то много прошел, а ты еще не учен, помни это! Если ты мне когда-то кусок хлеба бросал, как собаке, так уж я тебе втрое за него заплатил, и мы квиты... Слышал?

— Я... я... я... я, вот те Христос! Да ты выпей мадерцы-то, полно... полно тебе. С чего ты взъелся? Да я... первый друг... Неуж ты не зна-

ешь меня?

— Знаю!

— Слава тебе господи, какие дела-то обоюд-но вершили с тобой, вспомни! Нам ли ссориться, да выпей ты, ну... ну... Экой какой ведь ты кипяток: я с тобой в шутку, а ты все в щеть да в щеть.

— Пиши сейчас вексель на пятнадцать тысяч!

— Писать? А Калмыков-то как же?

— Пиши, если говорят тебе! Если ты со мной шутил, так и я с тобой пошутил! — сердито ответил Петр Никитич, подавая ему заранее приготовленный им вексельный лист.

— Хе-хе-хе-е! Так вот оно что, ты пошутил! А я-то было испугался. Ах ты боже мой, даже ровно душу-то захолонуло! Ну... ну давай напишем! А не то, может, завтра бы утречком написали, а? Теперь бы поговорили на мировой-то, а? Да выпей ты. Ну, поцелуемся не то.

— Для чего же целоваться-то?

— Ну... ну, уважь, я вот хочу закрепитьсья с тобой!

— Умойся поди прежде, а то посмотри на лицо-то, точно его кто в масле поджаривал, —

насмешливо ответил Петр Никитич.

— Вот уж ты и грубишь! Позволь тебе только на ногу наступить, так уж ты всю ступню отдавишь, сейчас зазнаешься! — обидчиво отозвался Харитон Игнатьевич, отирая лицо полотенцем. — На себя-то бы прежде оглянулся, хорош ли! Дай-ко вот тебе капитал-то, хе-хе-е... нос задерешь превыше Ивана Великого.

— Оба хороши будем, нечего сказать! Пиши же вексель, — настойчиво повторил Петр Никитич.

— Что так приспело тебе? Не убежит! Я вот еще подумаю, писать ли, кабы еще какого обману не вышло.

— Харитон Игнатьевич, я не шутя говорю тебе: брось ломаться! Слышишь? — крикнул, выходя из себя и поднимаясь с сундука, Петр Никитич. — Не доводи меня до греха.

— Оо-о! Ну, а что ты сделаешь мне, что ты стращаешь-то меня?

— Даешь вексель или нет?

— Хе-хе... а ты вот испей мадерцы-то, побалуй меня, старика. Ведь я тебе в отцы гожусь по летам-то, — ты бы это вспомнил, Петр Ни-

китич. Мне уж, коли чего я не по ндраву сделаю, и простить бы можно. Ну, ну, уж коли ты неотвязный такой — изволь, напишу. Где у нас чернильница-то? Перо-то еще есть ли? — говорил он, вставая и намереваясь выйти из комнаты.

— Сиди, не хлопочи, у меня все есть, — ответил Петр Никитич, вынимая из портфеля глухую дорожную чернильницу и гусиное перо, вложенное в пакет, в котором лежал приговор.

— Запасливый же ты, хе-хе... — ответил Харитон Игнатьевич, надевая круглые очки в толстой серебряной оправе.

Писание векселя под диктовку Петра Никитича шло очень долго. Харитон Игнатьевич поминутно облизывал перо губами; выводя буквы, поводил и языком по направлению пера, кряхтел и вздыхал, точно не на плечах тяжесть, превышавшую его силы. Лоб и щеки его лоснились от пота. Наконец, окончив писать, он вздохнул и, поплевав на пальцы, потер руку об руку.

— Теперь все по форме? — спросил он, когда Петр Никитич, прочитав вексель, береж-

но сложил его и опустил в карман.

— Все по форме, — ответил Петр Никитич. — Только завтра утром сходим засвидетельствовать его к маклеру.

— Ну и слава богу, что он управил нас! Теперь уж, стало быть, мы неразрывны с тобой? — спросил он.

— Не отцепишься, если б и захотел! — с иронией ответил Петр Никитич.

— И отцепляться надобности не вижу... Ну, выпьем же для почину дела... Давай нам бог жить без греха... любовно... да добра наживать... — торжественно произнес Харитон Игнатьевич. Они крепко обнялись и поцеловались, завершая дело. Харитон Игнатьевич позвал и Дарью Артамоновну, одетую ради приезда гостя в шелковый шугай, и заставил ее тоже поцеловаться с Петром Никитичем. Здравная рюмка обошла их поочередно. За ужином развеселившийся Петр Никитич рассказал собеседникам о проделке своей с крестьянами. Харитон Игнатьевич хохотал, слушая его, и время от времени острил, но под конец задумался.

— Проворный же ты, ай-ай! — произнес он,

покачав головою, — Неуж в Расее-то у вас все такие?

— Есть и почище, — самодовольно улыбаясь, ответил Петр Никитич. — Есть такие, тузы, что миллионы мимоходом проглатывают и не давятся.

— И сходит с рук?

— Сходит! Мелюзга-то попадается подчас, а кто покрупней, так не бывало еще примера.

— Ну и кра-а-й! — удивленно произнес Харитон Игнатьевич. — Вот бы где пожить, ума-то бы понабраться! А впрочем, нечего скучать, — с раздумьем продолжал он, — теперь и сибирскую-то пашенку так уназмили привозным-то из Расеи добром, что урожай-то со сторицей пошел! Скоро, поди, отборную-то фрухту уж из Сибири в Расею повезут... А все, брат, скажу, хошь бы одним глазком посмотреть, как это у вас там миллионы-то глотают!

-

На другой день, часов в десять утра по узенькой лестнице двухэтажного деревянного здания, стоявшего около базарной площади, в верхнем этаже которого помещалась

контора маклера, поднимались Петр Никитич и Харитон Игнатьевич, надевший на себя на этот раз лисью шубу и высокую бобровую шапку, отчего вся наружность его представляла сплошной мех, разнообразный только по цвету и густоте шерсти. Раздевшись в смрадной передней, они вошли в контору. Помолвившись на икону, висевшую в переднем углу, Харитон Игнатьевич подошел к маклеру, сидевшему у стола за грудой бумаг и книг и не обратившему даже внимания на вошедших.

— Вексёлек бы мне требовалось, Матвей Степанович, засвидетельствовать; за большое бы это одолжение счел, — обратился к маклеру Харитон Игнатьевич, подавая вексель.

Маклер молча взял из рук его вексель и, внимательно прочитав его, осмотрел к свету.

— Ого-го-о! Пятнадцать тысяч! — с удивлением произнес он, посмотрев на Харитона Игнатьевича. — Ты на что же этакую страсть денег занимаешь? — более мягким и даже радужным голосом спросил он, окинув в то же время своим насупленным взглядом Петра Никитича, стоявшего у порога, в стороне от

них.

— По делу понадобилось: новое дело заво-
жу, Матвей Степанович! — ответил Харитон
Игнатьевич,

— Какое?

— Ругаться будете, коли сказать-то вам...
Да оно, пожалуй, и следует обругать меня...
Ну, да уж коли фундамент заложил, так во-
лей-неволей, а дом выводи, — говорил он, раз-
водя руками. — Кожевенный завод сооружаю,
слыхали ли?

— А-а... что ж, это дело хорошее, выгодное,
только смотри, пойдет ли? — предупредил
маклер.

— В этом-то и задача вся! Про себя-то полагаю,
что надо бы пойти ему, — задумчиво го-
ворил Харитон Игнатьевич, — а за все прочее
никто как бог!

— Хорошее дело... похвально... Пора тебе
за ум взяться, не докуда хламьем торговать.
Человек вы оборотистый... наперед скажу:
маху не дадите... Поздравляю... рад... рад... —
и маклер, протянув ему руку, дружески по-
жал широкую с коротенькими сучковатыми
пальцами длань Харитона Игнатьевича. — В

мещанах уж не останетесь... гильдию внесете? — спросил он.

— Уж как ни пойдет дело, а гильдии не минуешь!

— Видней... видней будет... почету будет более, — убедительно говорил маклер, то хмуря, то приподнимая свои густые брови. — Очень рад за вас, давай вам бог... может быть, еще и послужим вместе, кто знает, — заключил он. — Только... только... — произнес он, искоса осмотрев Петра Никитича. — Ведь это, кажется, тот самый Болдырев, что писарем в Х-ой волости? — вполголоса спросил он. — Поселенец, что несколько лет тому назад шлялся по городу в опорках и рвани... с поздравительными стихами по купцам ходил, а-а?..

— Он самый, — улыбаясь и так же тихо ответил ему Харитон Игнатьевич.

— Неужели он за несколько лет службы в писарях нажил такое состояние? — удивленно спросил маклер. — Пятнадцать тысяч под вексель дать... это ведь... ой-ой!

— Хе-хе-хе! Полноте-с! Где ему до этих денег дожить; у него, чай, и пятиалтынно-го-то в кармане нет! — успокоил его Харитон

Игнатъевич. — Он ведь подставное лицо, — шепнул он на ухо. — Только вексель-то на его имя, во избежание огласки.

— Подставное-е-е... от кого? — удивленно спросил маклер.

— Отца Пимена знаете? Б-го благочинного...

— Знаю, как не знать!

— Я у него деньги-то занял! Вексель-то он на свое имя боится делать: опасается, чтобы по духовенству не разнеслось, до архиерея бы не дошло... А этот-то гусь кум ему будет. Счеты меж ними какие-то да дела ведутся... Бог их разберет! В большой они приязни живут, Ну, для отвода он и велел сделать вексель-то на его имя.

— А-а, вот что-о! Ну, теперь понятно, — ответил маклер. — Пимен-то богатый человек, знаю.

— Богатый, первеющий по округе.

— Богатый, богатый человек, — подтвердил маклер... Так вот оно что-о... Архиерея боится... ха-ха-ха! Да, строгонек он у них, по блажки не дает! Ну, теперь понятно, а то уж я подумал: откуда у Болдырева такие деньги

взялись? Как так вдруг разбогател, что по пятнадцати тысяч под вексель дает... Оно точно, волость богатейшая... но все же... Ну, а Пимен-то и тридцать отсыплет да не почешется, бога-а-ат!

Процедура засвидетельствования векселя и внесения его в маклерскую книгу продолжалась не более часу. Маклер, холодно встретивший Харитона Игнатьевича, теперь не только проводил его до дверей, но даже сам отворил ему дверь и, почтительно пожимая руку его, пригласил его к себе в гости в ближайший праздник. От маклера приятели отправились в казенную палату, и Петр Никитич в присутствии Харитона Игнатьевича, зорко следившего за ним, сдал пакет с рапортом и общественным приговором дежурному чиновнику, под расписку его в разносной книге волости. Когда они вышли из палаты, Харитон Игнатьевич, сняв шапку, набожно перекрестился.

— Надоть бы, Петр Никитич, для почину дела молебен отслужить, — сказал он.

— Служи... я не прочь, — ответил Болдырев.

— Пойдем-ко! Мы бога не забудем, так и он възыщет нас своею милостью, — произнес с умилением Харитон Игнатьевич.

Обедня окончилась и священник вышел из собора, стоявшего против здания присутственных мест, когда на паперть вошли Харитон Игнатьевич и Петр Никитич. Остановив, священника, Харитон Игнатьевич попросил его отслужить молебен.

— С божьей бы помощью надоть дельце сеорудить... ваше благочиние, — ответил он на вопрос священника, по какому поводу он служит молебен. Все время молебна Харитон Игнатьевич стоял на коленях, осеняя голову и грудь широкими крестами и кладя земные поклоны.

— Ровно оно легче на душе-то, свободней стало! — сказал он Петру Никитичу, выходя из собора и оделяя нищих грошами и копейками из длинного кожаного кошелька.

Через несколько дней, ранним утром, Харитон Игнатьевич подошел к воротам нищенского деревянного двора, стоявшего в пустынной улице одного из предместий города, называвшегося Солдатской слободкой. Рядом

с домом, на обширном пустыре, обнесенном плетнем, высился недостроенный деревянный дом на каменном фундаменте. Широкие окна дома, еще без рам, были завешены рогожами, на крыше высились одни стропила. Груды накатанных бревен и квадратами сложенный кирпич загромождали почти всю улицу. Низенький покосившийся домик и строившийся дом-щеголь принадлежали начальнику хозяйственного отделения казенной палаты, Андрею Аристарховичу Второву. Войдя во двор, Харитон Игнатьевич прошел сначала в людскую, и через несколько минут чистенько одетая горничная ввела его в кабинет Андрея Аристарховича. Присев на плетеный стул, Харитон Игнатьевич с любопытством осмотрел письменный стол, заваленный бумагами и уставленный различными дорогими безделушками и серебряными и бронзовыми пресспапье в форме легавых собак, бегущих лошадей, изящных женских ножек и т. п. Стены кабинета были увешаны картинами, выражавшими вкус и склонности Андрея Аристарховича. Широкое маслившееся лицо Харитона Игнатьевича сложи-

лось в сладострастную улыбку при взгляде на обнаженную нимфу, готовившуюся спуститься в прозрачные струи ручья. Он до того увлекся созерцанием роскошных девственных форм нимфы, что не слышал, как из соседней комнаты, дверь в которую была завешена шелковой портьерой, вошел в кабинет Андрей Аристархович, низенький толстый человек, казавшийся еще толще от широкого, халата, свободно охватывавшего его выхоленное тело.

— Харитон Игнатьевич, добро пожаловать! — приветливо встретил его Андрей Аристархович, протянув ему два пальца. — Вот, как нельзя кстати подошел ты ко мне... Правду пословица-то говорит, что на ловца и зверь бежит! А я только что на днях собирался ехать к тебе, — говорил он, опустившись в кресло и предложив ему стул напротив себя.

— Нешто дельце какое встретилось для меня? — спросил Харитон Игнатьевич, заворачивая полы своего суконного длиннополого сюртука и осторожно присаживаясь на кончик стула.

— С постройкой замучился, только что од-

но закупишь — другое требуется. Не рад, что и затеял: деньги так и тают! — пожаловался ему Андрей Аристархович.

— Эфто точно-с, на мелочи эфти невидимо деньги идут. А я, признаться, шедши к вам, осмотреть обновку-то вашу полюбопытствовал.

— Что ж, как находишь?

— Отлично, хорошо... краса!

— Дом будет хороший, правда твоя... Средств не жалею. Все по возможности делаю в современном вкусе: и ванна у меня будет и звонки электрические... И самый наружный вид...

— Патрет касательно наружи, если взять, — прервал Харитон Игнатьевич.

— То есть, как это портрет? Чей? — с удивлением спросил Андрей Аристархович.

— Картина, говорю-с, — поправился сконфузившийся Харитон Игнатьевич, откашливаясь в руку, — первеющее, можно сказать, сооружение в городе...

— Да, да... мне и то завидуют многие.

— А что бы вам от меня потребовалось, что изволили собираться пожаловать ко мне? —

спросил Харитон Игнатьевич, когда разговор пресекся.

— У тебя, я слышал, все можно достать, — ответил Андрей Аристархович. — Остряки: говорят даже, что и птичье молоко есть... а-а? Правда это? — усмехнувшись, спросил он.

— Хе-хе-хе-е... Придумают же чего сказать: птичье молоко...

— Что ж, нет, его, а-а?

— Не-е-ет-с... Эфтаких мануфактур еще не пытались закупать, — смеясь, ответил он. — А остальное прочее, кому чего требуется, милости просим, по силе возможности завсегда можем снабдить.

— Кровельное железо есть у тебя, а?

— Как не быть, целые сараи навалены. Года два тому назад, когда здания упраздненных этапов с аукциону продавали, так мы запаслись им. И хорошее железо, плотное и несколько не мятое, потому мы бережно с эфти-ми вещами обращаемся,

— О-отлично! Ну, а болты к ставням, гвозди, скобы для дверей, конечно не комнатных, — те я из Екатеринбурга выписываю, — а так, для людских пристроек, тоже найдутся,

а?

— Сколько требуется, предоставить можем!

— Хорошо, право хорошо, что ты зашел ко мне. Я тебе, Харитон Игнатьевич, списочек дам нужных мне вещей, и ты уж одолжи меня ими; да, кстати, скажи мне: дорого ты возьмешь с меня за весь этот хлам, а?

— Сочтемся, хе-хе-хе... что вы это утруждаетесь!;

— Однакож?

— Полноте-с! Совсем это пустой-разговор вы затеяли! Свои люди-то, все друг о друге, а бог за всех!

— Нет, ты скажи. Не даром же, наконец, ты дашь мне, да я и не возьму!

— Сколь положите, всем будем довольны... Признаться, ведь и мне до вас, Андрей Аристархович, просьбица есть: помогите и вы мне соорудиться!

— Тоже строишься, что ли? — спросил Второв.

— Строюсь, да на другой манер! — ответил Харитон Игнатьевич, бесцельно, передвигаясь с одного стула на другой. — Затаял, при-

знать, теперича дело, да уж не знаю, как и быть с ним, ровно и не рад.хлопот, беготни, езды не оберешься... всю душу вымотал, — с тоской в голосе говорил он. — Завод ведь я ко-жевенный сооружаю, Андрей Аристархович, выругайте вы меня на склоне лет моих!

— За что же ругать? Дело хорошее! У нас во всей губернии нет такого завода. Смешно ска-зать, из Сибири везут сырые шкуры в Россию, и потом уж мы получаем оттуда выделанные кожи, готовые сапоги и платим за все это втридорога!

— И я вот тоже смекаю, что надоть бы ему пойти, что на мель не сяду. А в ину пору, как пораздумаешься, такая тоска изнимет, что ру-ки бы на себя наложил! — жаловался Харитон Игнатьевич каким-то особенным певучим го-лосом.

— Пустяки! Дело затеял ты хорошее, не со-мневайся! Завод пойдет у тебя, и бойко пой-дет, только энергии нужно поболее, энер-гии! — ободрил его Андрей Аристархович.

— Не покладаю ровно рук, во всем свой глаз.

— Где же строить его хочешь?

— За эфтим к вам и пришел: пособи́те вы мне, облада́йте дельце! Сунулся было с первоначатия на Т-е строить его, так крестьяне не допустили. "Ты, говорят, у нас своими кожами всю воду отравишь".

— Это правда, согласись, ведь шкуры снимают с больного и здорового скота, — заметил Второв.

— Как неправда, правда, — согласился Харитон Игнатьевич. — Вот я и наметил теперь местечко, доложу вам, в X-ой волости здешнего округа. Волость эта всего верстах в шестидесяти от города, в лесах и в болотах, в такой это труппе, что не доведи господи. Есть озеро там, большое озеро, да бросовое, по пословице: велика Федора, да дура! Святым зовется. Лежит оно в удалении от жилых мест. От города будет, пожалуй, верст сто, может — и более.

— Я что-то слышал про это озеро или читал где об нем, что ли... дай бог память! — приложив палец ко лбу и почесывая его, прервал Андрей Аристархович. — Ну, ну, продолжай! — произнес, наконец, он.

— Статься может, что в бумаге читали, —

подхватил Харитон Игнатьевич, — потому ныне я был в этой волости, так мужики сказывали мне, что их собирали в волость на сходбище и спрашивали: не надо ли им это озеро в аренду, что бумага получена из палаты и что озеро отбирают в казну. Ну, так мужики-то от него, скажу вам, руками и ногами открещивались. Бог, говорят, о нем, кому надо это пустопесье? Кабы рыба была в нем какая-нибудь, так можно бы еще, а то в нем, говорят, кроме червя да пиявки, ничего нет... Разве, говорят, кому леших топить потребуется.

— Ха-ха-ха! Это в Святом-то озере леших топить?

— Да ведь у них, сударь вы мой, что ни лужа, то и святое место. Старца, сказывают, на нем какого-то, светлого ликом, видели, ну так со страху и озеро-то назвали Святым!

— Удивительно! Сколько еще суеверия в нашем народе, — с сожалением в голосе произнес Андрей Аристархович.

— Суеверства этого у мужиков — избави господи сколько, Андрей Аристархович! — качая головой, подтвердил Харитон Игнатье-

вич. — Насмотрелся я досыта на ихнее невежество! Так вот, говорю, услыхавши это от мужиков, — продолжал он, — я кинулся к писарю, — знакомый он мне: точно ли, спрашиваю, есть бумага из палаты, что озеро берут в казну? "Есть, говорит; у нас уж, говорит, и общественный приговор постановлен крестьянами, что они не хотят озера брать за себя!"

— Вспомнил теперь, верно, верно! Этот приговор на днях вступил в палату, и я читал его, — прервал его Андрей Аристархович. — Только одно мне кажется странным; кажется, ведь это богатое, рыбное озеро. Я сам не знаю местности Т-го округа, никогда не бывал в нем, но слышал, и слышал от многих об этом озере, и самому иногда доводилось покупать рыбу на рынке, особенно карасей, — такой крупный карась, так и называется святозерским.

— Это вы смешали, Андрей Аристархович, — ответил, нисколько не смутившись, Харитон Игнатьевич. — Точно, есть такое озеро, Святым же называется, так оно лежит совсем в другой стороне, вниз по Оби, бога-а-атое озеро, первеющее, можно сказать, по

Сибири! Это озеро вы и за тысячу рублей не купите: клад — и мужики стерегут его как зеницу ока!

— А-а, ну это дело другого рода... Я и не знал, что их два в одном округе!

— Их и не два по округе-то!

— Как, и еще есть Святое озеро?

— Есть! Это ежели теперича от Т-а по дороге к Т-ре ехать, так, почесть на полпути, лежит озеро, и тоже большое озеро, рыбное, тоже крестьяне-то Святым зовут!

— Однакож сколько Святых-то озер! — с удивлением произнес Второв.

— Говорю вам, сударь, что у мужиков что ни лужа, то и святое место... страсть суеверства сколько между ними!

— Так ты на этом озере и хочешь завод строить?

— На эфтом самом! Крестьяне же и надумили меня... Бери, говорят, за себя наше-то озеро. Мы, говорят, тебе за зиму завод-то вымахаем, ты и не услышишь... Все же, говорят, хлеб нам дашь этим заработком... Поехал я по ихним словам, осмотрелся... вижу: место самое подходящее к моему плану. Первое дело,

удаленное, никому ли в чем препятствия нет. Кругом леса, дубу мужики сулят надрать мне хошь запруды пруди, потому — им заработок дорог. Правда, что дороги к озеру нет, кругом болото, ну да со временем, бог даст, и дорожку сладим. Подумал я... подумал... перекрестился и порешил взять его за себя. Благословите теперича меня эфтим озерком, ваша милость, Андрей Аристархович, — произнес Харитон Игнатьевич, вставая и кланяясь ему, — отдайте мне его в аренду!

— С готовностью! Это такие пустяки, что даже и просить не о чем! Тебе прошение нужно подать в палату.

— Я, признаться, надеялся на ваше снисхождение ко мне... и сготовил его, получите-с, — произнес он, вынув из кармана вчетверо сложенное прошение на гербовой бумаге. — Только лета, на сколько можно взять его в аренду, я не проставил без вашего наставления.

— Пиши на двенадцать лет.

— Благословите уж на тринадцать.

— Нельзя! Отдать казенную оброчную статью в арендное пользование свыше двена-

дцати лет может только министерство... Ты возьми теперь озеро на двенадцать лет, а потом войди с ходатайством об отдаче его на более продолжительный срок... Мы даже рады будем этому случаю... Тут, собственно говоря, с моей стороны и услуги нет... Озеро совершенно бездоходное, все равно: если б ты не изъявил желанья взять его, так оно лежало бы даром, а теперь все-таки хоть какой-нибудь доход принесет казне.

— Это справедливо-с... Уж много я вам благодарен буду!

— Пустяки-и, не за что! Действительно, мы нынче собираем сведения, где есть озера и рыбные пески, которые бы можно было обратить в оброчные статьи и отдавать в аренду. Всё хлопчем об увеличении государственных доходов, — с иронией произнес Андрей Аристархович. — Только тебе ведь скоро этого дела нельзя будет обделать, предворяю, — заметил он.

— Желательно бы поспешить, Андрей Аристархович, потому мне много еще хлопот, время-то дорого, а к весне бы уж соорудить хотелось заводец-то.

— Ну, недели две-три все-таки пройдет, но не более! Мы зачислим озеро в оброчную статью, пропечатаем в губернских ведомостях объявление о вызове желающих на торги; желающих, конечно, не явится, — можешь быть уверен в этом, потому что ведомости, кроме редактора их, никто не читает; а одновременно с тем, единственно для того, чтоб соблюсти узаконенные формы, мы пошлем предписание X-му волостному правлению о вызове крестьян на торги... Оно бы, собственно говоря, по закону-то следовало бы и самые торги произвести в волостном правлении, ну, да раз крестьяне представили приговор, что озеро им не нужно, то греха не будет, если для выигрыша времени мы избегнем излишней формальности и обделаем это дело по-домашнему, в палате...

— Не требовалось бы и публикации-то слать в волость, Андрей Аристархович; потому ведь опчественный приговор у всех в видимости, — заметил Харитон Игнатьевич.

— Закон, братец, велит, обойти его нельзя... у нас ведь на все закон есть, каждый шаг предписан.

— Хе-хе-е... это точно-с, что шагать-то велят по мерке.

— Формальность тормозит дело во всем, а избежать ее нельзя: у нас за преступления по должности так не судят, как судят за несоблюдение форм!

— Справедливо-с... Так уж мы, значит, в полной надежде будем на вашу милость...

— Будь спокоен — озеро твое... Ты только попроси волостного писаря, чтоб он поскорее прислал ответ на наше предписание о вызове крестьян на торги, тогда мы назначим день для торгов... положим за озеро арендной платы рублей тридцать в год.

— Многонько-с! Обидно как будто, Андрей Аристархович! — прервал его Харитон Игнатьевич.

— Ну, двадцать пять, что ли...

— И это бы... того-с... ведь озеро-то совсем бросовое...

— Ну... ну, двадцать... уж двадцать-то не обидно... Ты прибавишь на торгах рубль или два, и озеро останется за тобой; потом в день переторжки внесешь вперед за все время арендных лет плату. Мы постановим журнал,

предпишем земской полиции о вводе тебя в арендное владение озером... и делу конец... владей!

— Дай вам господи за ваше благодетельство! — дрогнувшим от радости голосом произнес Харитон Игнатьевич. — Чем только служить вам! Стало быть, уж я теперича в покое буду?

— Совершенно! Да, вот еще что... хорошо, что вспомнил, — суетливо прервал его Второв. — Ты знаешь секретаря палаты, Максима Ивановича Неряхина?

— Знаем-с... По малости тоже знакомы...

— Сходи к нему, попроси и его... на всякий случай оно не помешает, чтобы ускорить это дело.

— С большим даже одолжением... заявимся...

— У него же, кстати, недавно корова пала, человек он небогатый, детей полон дом, одиного ребенок грудной даже... ты весьма будешь полезен ему...

— Касательно пользы понимаем-с... Завсегда, можно сказать, с готовностью... Так спичек-то о вещах обещали выдать мне, пожа-

луйте-с... Заодно уж насчет пользы-то, — сказал Харитон Игнатьевич.

— А-а, да... да, из головы вон! Спасибо, что надоумил! — произнес Второв, суетливо перебирая бумаги на столе, разыскивая заранее приготовленный список. — Ну, так что же ты с меня возьмешь за этот хлам, а? — спросил он, подавая ему список.

— Полноте-с! О чем разговор... — ответил Харитон Игнатьевич, бережно складывая его и опуская в карман.

— Ни... ни... говори, говори! Служба службой, а дружба дружбой!

— Хе-хе!.. Да что же с вас взять-то? Гривенничек с листа не обидно покажется? — спросил он, пытливо посмотрев на Второва.

— Гривенн-и-ик?.. Что ты... что ты, дорогой друг мой! — с изумлением произнес Второв, отступая от него и расставив ладони рук, как бы защищаясь от нападения Харитона Игнатьевича. — С меня в лавках девяносто копеек за лист просили. Ведь это будет с моей стороны взятка с тебя... Я этого не люблю! — строго произнес он. — Не-е-т... ты бери, что стоит тебе, а так я... ни-и-ни... Избави бог... Это не в

моих правилах!

— В таком случае... положьте для круглого счета пятиалтынничек, хе... хе...

— И... это дешево... но-о... уж если ты желаешь, изволь.

— Доставим-с!

— Пришлю лошадей!

— Предоставим-с! Не утруждайтесь! А затем прощенья просим-с! Позвольте пожелать вам наипаче всего хорошего! — произнес, развязно раскланиваясь, Харитон Игнатьевич.

— Спасибо, спасибо, Харитон Игнатьевич! — произнес Второв, запахивая халат и провожая гостя из кабинета в переднюю.

— Уж первого опочка с завода... на сапожки в ваше одолжение доставим! — сказал Харитон Игнатьевич, надевая шубу, и засмеялся. Второв тоже засмеялся и, крепко пожав его руку, запер за ним дверь.

-

Не прошло месяца, как в Т-е уездное полицейское управление вступило предписание казенной палаты о вводе т-го мещанина Харитона Игнатьевича Плаксина во владение

Святым озером, отданным ему с торгов в арендное пользование на двенадцать лет. Сильное впечатление произвело это предписание на членов. О впечатлении, какое произвело оно на Ивана Степановича Кашкадамова, я не буду говорить. Петр Никитич, привезенный из волости особо посланным нарочным, имел с ним по этому поводу продолжительное объяснение, кончившееся удалением его от должности писаря. Взрыв горя и негодования, какой охватил крестьян при известии об отдаче озера в аренду, вероятно дорого обошелся бы Петру Никитичу, но он уже более не показывался в волость. Выбранные народом ходатаи, в том числе и Никифор Гаврилович Бахлыков, отправились с просьбой о возврате озера, но безуспешно. Представленный ими приговор служил уликою против них в намеренном обмане властей. "Вперед будьте умнее!" — говорили им повсюду, куда ни толкались они. Но все-таки об этом происшествии предписано было произвести дознание. Петр Никитич на предложенные ему вопросы отвечал, "что он действовал так исключительно в видах интереса казны, и главное,

с разрешения своего начальства, и если бы в волость было прислано предписание палаты о зачислении озера в оброчную статью и о вызове крестьян на торги, которые по закону следовало произвести в волостном правлении, то этого несчастья не случилось бы!" В настольном реестре вступающих в волость бумаг действительно не оказалось, чтоб в волость вступало предписание палаты о вызове крестьян на торги, точно так же и по исходящему реестру не значилось ответа волости. По сличении подлинной бумаги от волостного правления, изведавшей палату, что крестьян, желавших явиться на торги, не оказалось, — с почерком Петра Никитича, выяснилось, что она была писана и подписана не его рукою, печать волостного головы была бледна, не ясна, номер фальшивый. Подлог был несомненный, но кто совершил его и с какою целью — осталось недознанным, хотя подозрение и тяготело над Петром Никитичем.

Судьба улыбнулась, наконец, Петру Никитичу. Он до настоящей минуты живет в неразрывной дружбе с Харитоном Игнатьевичем, хотя каждый год при дележе доходов

между ними происходят крупные ссоры. Петр Никитич пополнил, даже бакенбарды его стали гуще, пушистее и приблизились к типу первобытных. В словах и манере его, полной достоинства, проглядывает сановитость, свойственная капиталистам. Кроме озера, он, в компании с Харитоном Игнатьевичем, арендует несколько рыбных песков на Оби, имеет свои суда и ведет обороты на десятки тысяч. По праздничным дням супруга его, взятая им из богатого купеческого дома, катается по улицам города в коляске, а зимою кутается в соболей, порождающих зависть у многих сановитых дам. На купеческих вечерах и обедах Петр Никитич и супруга его пользуются большим вниманием. Никто из купцов как будто и не узнает в нем того Болдырева, который некогда подносил им поздравительные акrostихи и, стоя в передней, получал от них полтинники и куски пирогов... и подозревался к тому же в краже легко уносимых вещей.

Харитон Игнатьевич отслужил уже трехлетие кандидатом городского головы. Он по-прежнему ведет деятельную жизнь, хотя давно прервал знакомство с темными личностями.

ми. Старый градоначальник, добравшийся до его шкуры, помер, а с новым Харитон Игнатьевич живет в тесных дружественных отношениях. В дружественных отношениях живет с ним и Второв, хотя частенько в приятельской беседе напоминает ему об обещании прислать опоек на сапоги с своего завода. Но, вместо опойка, Харитон Игнатьевич к каждому посту посылает ему в гостинцы отборных святозерских карасей. Харитон Игнатьевич сам хозяйничает на озере, нанимая для работ крестьян за баснословно дешевые цены. В первое время ему было много хлопот и неприятностей. Крестьяне по злобе к нему рвали и портили его невода и сети, топили лодки, крали рыбу, поджигали устроенные им по берегам озера избы, пакгаузы и амбары, но теперь все утихло. Только Петр Никитич ни разу не заглянул на озеро, он и до настоящей минуты опасается возмездия.

А как же поживают крестьяне X-ой волости — спросит, может быть, читатель. В ответ на это я скажу одно, что со времени отдачи озера в аренду недоимка на волости накопилась в количестве 37 876 рублей и считалась

безнадежной ко взысканию; пополнена ли
она в настоящее время, не знаю.

[2]

Примечания

Любовных свиданий (франц.)

[^^^]

Впервые опубликовано в журнале "Русское богатство", 1881, № 1, 2. Печатается по последнему прижизненному изданию: Н. И. Наумов. Собрание сочинений в двух томах. Т. II. СПб., 1897.

[^^^]